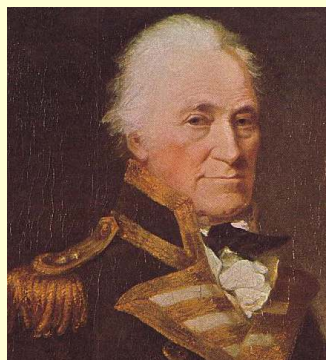

Первые губернаторы Австралии

Искра Рычагова и Лев Натанов

Сидней
2008

Десять первых губернаторов Австралии сыграли особую роль в создании удивительной и прекрасной страны. Самая удаленная по сравнению с другими британскими колониями территория, заселенная лишь аборигенами, ведущими примитивный образ жизни, оказалась совсем не такой благоприятной для обитания, как это представлялось открывшему Новый Южный Уэльс капитану Джеймсу Куку и его спутнику - будущему президенту Королевского Научного Общества Джозефу Бэнксу. Попавшим сюда людям предстояло выжить, освоить незнакомые земли, приспособиться к чуждому для них климату и начать строить новую страну. К тому же среди них основную часть составляли заключенные, от которых правительство Англии стремилось избавиться.

Все первые десять губернаторов были отважными капитанами или высшими офицерами, воевавшими и добившимися высоких званий своей безупречной службой. Они были людьми талантливыми, образованными и умными, многие из них уже имели опыт управления другими колониями. Здесь они спасали от голода и помогали выживать людям, оказавшимся в трудных и незнакомых условиях. Их волей поднялись города, выросли фермы, было налажено хозяйство. В руках этих людей была сосредоточена неограниченная власть, совершенно необходимая для соблюдения порядка на далекой необжитой земле, а пять первых из них недоброжелатели даже называли “tyrants” – тиранами. А они лишь стремились поддерживать дисциплину и несли ответственность за свои действия перед правительством в далеком Лондоне. Деятельность следующих пяти была несколько ограничена особыми советами. Последний из этой, вошедшей в историю, десятки стал первым Генерал-губернатором Австралии, некоторые властные полномочия которого распространялись и на другие, возникшие здесь колонии.

Их трудная жизнь постоянно осложнялась борьбой с различными недовольными группами людей, с неблагодарностью, ложью, порочащими письмами и жалобами в Лондон, с постоянными разбирательствами их деятельности присылаемыми комиссиями. В отличие от Лондона, который рассматривал колонию лишь как место для ссылки заключенных, каждый губернатор стремился создать здесь новую достойную страну, похожую на свою родную Англию. И всего за без малого 70 лет был пройден путь от почти необжитого берега к стремительно развивающейся новой стране. К сожалению, остаток жизни многие из них провели в забвении, не получив от своего правительства ни достойного уважения, ни вознаграждения.

Об этих стойких и мужественных людях, их судьбах и их деятельности в недолгие сроки правления колонией Новый Южный Уэльс и пойдет речь в предлагаемых очерках, которые мы посвящаем 220-летию Австралии.

Первые губернаторы и года их жизни:

Артур Филлип (Arthur Phillip)	- 1738-1814
Джон Хантер (John Hunter)	- 1737-1821
Филип Кинг (Philip King)	- 1758-1808
Уильям Блай (William Bligh)	- 1754-1817
Лахлан Маквори (Lachlan Macquarie)	- 1761-1824
Томас Брисбен (Thomas Brisbane)	- 1773-1860
Ральф Дарлинг (Ralph Darling)	- 1775-1858
Ричард Бурк (Richard Bourke)	- 1777-1855
Джордж Гиппс (George Gipps)	- 1791-1847
Чарльз Фитцрой (Charles Fitzroy)	- 1796-1858

Годы, в которые они управляли колонией, приведены в начале каждого очерка.

Первый губернатор Артур Филлип - Отец Нации (1788-1792)

Гигантская задача основания колонии, несмотря на долгие сомнения британского правительства, была доверена малоизвестному морскому капитану. И он оказался хладнокровным, дальновидным, весьма дерзким в критических ситуациях и уважаемым губернатором, деятельность которого менее всего подвергалась критике. Он сразу понял, каким ценным добавлением к Британской Империи может стать новая колония, но даже не представлял размеры трудностей, свалившихся на его голову.

Артур Филлип родился 11 октября 1738 года в Лондоне рядом с кафедральным собором Святого Павла в семье учителя, перебравшегося из Германии. В 17 лет он начал службу в Королевском военно-морском флоте в качестве гардемарина. Уже тогда хрупкий невысокий и сдержанный юноша отличался упорством, храбростью и сильно развитыми чувствами ответственности и долга. Все окружающие отмечали доброжелательность этого морского офицера с необыкновенно быстрой речью. Он плавал в Средиземном море, ходил в Вест-Индию, принимал активное участие в семилетней войне, а в 1763 году вышел в отставку на половинное жалование, приобрел землю в Хэмпшире и 17 лет занимался фермерством. Тогда же он женился, но брак оказался неудачным и всю жизнь они с женой прожили раздельно.

Тяга к морю заставила его пойти с разрешения Адмиралтейства на службу в португальский флот, а во время войны с борющейся за независимость Америкой он возвращается на службу своему королю и в 1781 году получает звание капитана.

В 1786 году Государственный Секретарь Лорд Сидней, ведавший делами колоний, поручает капитану Артуру Филлипу основать поселение для заключенных в Новом Южном Уэльсе. Эта далекая земля была открыта знаменитым английским мореплавателем Джеймсом Куком на юго-восточном побережье неизведанного материка всего шестнадцать лет назад. Свой выбор лорд Сидней объяснял лидерскими качествами капитана Филлипа и его знакомством с ведением сельского хозяйства, что было особенно важно для выживания европейцев на незнакомой земле.

13 мая 1787 года Первый флот в составе 11-ти кораблей под командованием капитана Артура Филлипа покинул берега Англии и устремился в свое далекое и долгое плавание. На борту кораблей плыло 1350 человек. Среди них находились 736 заключенных и 211 морских пехотинцев для их охраны. Суда везли также запасы продовольствия,

А.Филлип на пустынном берегу залива Ботани Бэй.
Художник Ф. Витлей.

скот и все самое необходимое для начала новой жизни.

Путь длиной около 21 000 км занял восемь месяцев и завершился 18 января 1788 года в заливе Ботани Бэй, там, где в 1770 году бросило якорь судно Кука “Endeavour”. Разочаровавшись в этом месте, рекомендованном Куком и президентом Королевского Общества Дж. Бэнксом, Филлип на трех шлюпках с группой офицеров и капитаном Джоном Хантером отправился вдоль побережья на север в поисках лучшего места. Им оказался огромный залив Порт Джексон, вход в который видел Кук, давший ему это имя.

Этот глубокий и спокойный залив привел Артура Филлипа в восторг. 21 января они высадились для ланча на берегу уютной бухты, названной ими “Camp Cove”.

Двигаясь далее на юг, они обратили внимание на устье ручья Tank Stream с достаточным количеством пресной воды, где и было решено основать поселение. И 26 января 1788 года там был поднят британский флаг и произведен ружейный салют в честь основания колонии, а офицеры подняли бокалы за здоровье Его Величества Георга III. На этом месте ныне стоит флагшток с копией флага, который был поднят в тот день. С тех пор 26 января празднуется как День Австралии.

В феврале капитан Филлип перебирается на постоянное жительство на берег и дает новому поселению в честь Государственного Секретаря Британии имя Сидней. Уже через месяц губернатор составил план строительства и наметил первые улицы будущего города, о чем уведомил Лорда Сиднея.

С первых же дней Филлип столкнулся со множеством трудностей. Надо было распределить обязанности, построить жилища и позаботиться о пропитании прибывших на эти дикие берега испуганных людей. Предстояло расчистить земли и посеять привезенные семена. Но заключенные работали только при строгом принуждении, а морские пехотинцы, присланные для их охраны, с презрением отказывались от этой обязанности.

Обелиск в Camp Cove в честь первой высадки англичан в Порт Джексон. Это копия обелиска в Басе в память об адмирале А.Филлипе, закончившим там свою жизнь

Такой предстала Сиднейская гавань перед впервые прибывшими сюда англичанами.
Рисунок лейтенанта В.Брэдли

Также ощущался явный недостаток в людях, умеющих работать на земле, к тому же почвы были бедными, а древесина с трудом поддавалась обработке. С трудом расчистив землю, поселенцы сделали первые посевы, не представляя себе климатических условий нового места. К тому же в первый год на поселенцев

обрушилась засуха, которая заставила ввести строгий рацион для всех членов колонии. Филлип направлял специальные партии обследовать северное побережье в поисках плодородной земли с водой и пастбищами. Хорошие земли были обнаружены на впадающей в залив Порт Джексон реке Парраматте, где были организованы первые фермы.

Уже через две недели после прибытия Первого флота в Австралию Филлип отправил за 1600 километров к далекому острову Норфолк корабль “Supply” под командованием своего помощника и друга лейтенанта Филипа Кинга. Остров был открыт Джеймсом Куком во время его второго кругосветного плавания. Следуя восторженному описанию Кука, губернатор решил основать небольшое поселение и организовать там заготовку древесины из строевой норфолкской сосны и выращивать овощи и лен.

А в октябре 1789 года под угрозой полного голода Филлип посылает капитана Хантера на самом быстроходном судне “Sirius” за продовольствием в Кейптаун. Корабль вернулся с запасами и скотом только через 7 месяцев. И все время губернатору приходилось поддерживать суровую дисциплину, прибегая к наказанию плетьюми, а одного вора, уличенного в краже еды, он приказал повесить.

В те времена вокруг залива проживало около полутора тысяч аборигенов воинственного племени Эора. Они совершали нападения на поселенцев и даже ранили губернатора. Но Филлип всячески пытался наладить с ними добрые отношения, так как нуждался в их помощи в исследованиях страны и для знакомства с местными условиями. Он даже приказал обучать аборигена Беннелонга английскому языку, построить ему дом на месте Bennelong Point, где сегодня стоит Sydney Opera House. И, хотя аборигены помогли англичанам открыть огромную плодородную долину реки Хоксбери, окончательного мира достичь с ними не удалось.

Второй год принес колонистам лишь некоторое облегчение и надежду. Дала урожай первая ферма Rose Hill (нынешняя Парраматта), земельный грант на которую получил освободившийся заключенный Джеймс Руз. Шло строительство примитивных домов, а для губернатора был построен двухэтажный кирпичный дом на холме над заливом. При его возведении использовали привезенные из Англии кирпич и стекла, а цемент делали, обжигая дробленые раковины. Этот дом многократно перестраивался и в течение 50 лет был резиденцией девяти губернаторов. Он был разрушен в 1845 году, когда губернатор Джордж Гипс перебрался в новое великолепное здание “Government House”, расположенное на территории Ботанических садов. А остатки стены и фундамента первого дома сохранены в фойе стоящего теперь на его месте музея Сиднея.

Колония продолжала испытывать нужду в продовольствии. Сам Филлип тоже жил очень скромно, и офицеры, приходя к нему обедать, приносили с собой хлеб. А в 1790 году в Сидней прибывает Второй флот с 759 узниками и отрядом военных, присланных по просьбе губернатора для охраны заключенных. Этот отряд, получивший название корпус Нового Южного Уэльса, стал впоследствии сущим бедствием для колонии и источником постоянных беспокойств для следующих губернаторов.

В отличие от плавания Первого флота, когда Артуру Филлипу удалось сохранить почти всех людей, на этот раз в пути от болезней, грязи и голода погибла пятая часть заключенных, а две трети доставленных оказались тяжело больными. Это усугубило и без того непростое положение колонии. На нее обрушился голод, затяжные дожди разрушали хрупкие хижины, а тут еще у Норфолка потерпел кораблекрушение надежный “Sirius”. Филлип начинает давать

земельные гранты наиболее предприимчивым свободным поселенцам и освобожденным заключенным и это принесло хорошие результаты. Уже в середине 1791 года в бедствовавшей колонии удастся добиться нормального рациона для всех жителей. А пока из Англии пришла тревожная весть. Третий флот с 2050 заключенными собирался в плавание. И корабли с новыми заключенными, как правило в плохом физическом состоянии, начали прибывать. А письма Филлипа в Англию, о ненормальных условиях транспортировки заключенных не давали результата.

В 1792 году от вновь грозящего голода колонию спасло лишь прибытие двух кораблей с мукой. Но все время губернатор предчувствовал новые беды, которые могли обрушиться на колонию. К этому добавились страдания физические. Ссылаясь на болезнь почек, он попросил об отставке.

Артур Филлип покинул Сидней 11 декабря 1792 года. Колония выжила и продержалась 5 лет. Раздавая земельные гранты энергичным свободным поселенцам и освобожденным заключенным, Филлип довел количество культивируемой земли до 1700 акров, на которых выращивали зерно и овощи. Значительно увеличилось поголовье скота. Отплывая, он имел полное право сказать о поднимающейся колонии: *“Это самое ценное приобретение, когда-либо сделанное Британией”*. С собой Филлип увез аборигена Беннелонга, выучившего английский язык и носившего одежду джентльменов, чтобы представить его Георгу III.

Вернувшись в Англию, он живет в Лондоне и Басе, вторично женится и в 1793 году выходит в отставку с пенсией 500 фунтов в год. Но через три года Артур Филлип, поправив здоровье, возвращается на морскую службу и участвует в войне с Наполеоном. Он умер 31 августа 1814 года в возрасте 75 лет через 3 месяца после получения чина адмирала. В его память в Басе установлен монумент, копия которого и стоит на берегу бухты “Camp Cove”. Портреты Артура Филлипа бережно хранятся в Национальной Портретной галерее в Лондоне и в Митчелловской библиотеке Сиднея. А в Королевском Ботаническом саду установлен огромный мемориальный фонтан с бронзовой скульптурой Первого губернатора .

Памятник Артуру Филлипу был установлен в Сиднее в 1897 году. Скульптор А. Симонетти

Артур Филлип не только основал новую колонию, но и заложил основы будущей австралийской нации. Он воистину был ее Отцом !

Второй губернатор Джон Хантер – человек, сломленный офицерами корпуса Нового Южного Уэльса (1795-1800)

Несчастья и неудачи преследовали этого достойного человека, хотя он менее чем кто-либо другой заслуживал их. Этому мягкому, умному, интеллигентному человеку досталось управлять молодой колонией, в которой власть была захвачена группой наглых и алчных офицеров корпуса Нового Южного Уэльса. В период отсутствия губернатора они три года безжалостно терроризировали ее жителей. Столкнувшись с этим, губернатор Хантер писал герцогу Портланду – Секретарю по делам колоний: *“Это выпало на мою судьбу, мой герцог, управлять этой колонией в самый неблагоприятный период”*.

Джон Хантер родился 29 августа 1737 года в Шотландии, в портовом пригороде Эдинбурга Лисе в семье торговца. Будучи ребенком, он пережил свое первое крушение на корабле отца у берегов Норвегии. Юношей он получил прекрасное духовное образование, знал латынь, любил музыку, однако предпочел карьеру морского офицера. Он начал плавать на торговых судах, а с 17 лет - на кораблях Королевского военно-морского флота. Молодой Хантер зарекомендовал себя отличным штурманом и умелым составителем карт и был неплохим художником. Большая часть его жизни была связана с морем, он плавал во многих морях и никогда не имел семьи.

В 1787 году Первый флот под командованием Артура Филлипа отправился с заключенными в далекий залив Ботани Бэй. Джон Хантер был назначен вторым капитаном на военный корабль “Sirius”. В Кейптауне Филлип разделит флотилию на две части, перешел на более быстроходное судно “Supply”, и с четырьмя кораблями ушел вперед. Командование над другими семью кораблями он поручил Хантеру, который благополучно привел свои суда в Ботани Бэй всего на два дня позже.

В то время, когда губернатор Филлип переселился на берег и занялся организацией нового поселения, Джон Хантер составлял карты залива Порт Джексон, исследовал бухты и близлежащие долины, одновременно изучая флору и фауну неизведанных мест, делая многочисленные зарисовки.

В октябре 1788 года “Sirius” под командованием Хантера совершил плавание в Кейптаун за мукой, солониной и семенами, так необходимыми колонии. На обратном пути, наблюдая за приливами и течениями у Земли Ван-Димена (Тасмании) он первым предположил, что она отделена проливом от суши, на которой расположилась колония.

Вернувшись через семь месяцев в колонию, Хантер установил наблюдательный пункт на южном мысу (South Head), охраняющем вход в Порт Джексон, где сегодня стоит величественный белоснежный маяк. Он детально закартировал залив Ботани Бэй и исследовал океаническое побережье к северу от Сиднея. Тогда был обнаружен крупный живописный залив Питтуотер (Pittwater).

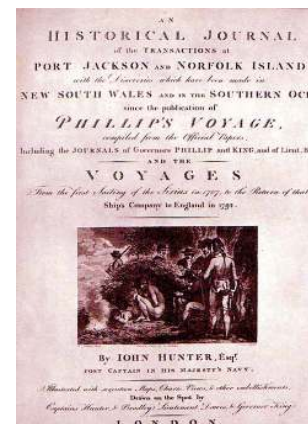

Хантер и его спутники были восхищены видами открытого ими залива Питтуотер

В 1790 году “Supply” и “Sirius”, которым командовал Джон Хантер, поплыли на Норфолк с большой группой заключенных и отрядом морских пехотинцев для их охраны под началом майора Роберта Росса. На этом затерявшемся в Тихом океане вулканическом острове, поросшем огромными строевыми соснами (араукариями) и с плодородной почвой, уже два года существовало отдельное поселение. Скалистые берега острова и рифы делали высадку весьма опасной. И 19 марта 1790 года при попытке войти в небольшую гавань Сидней Бэй “Sirius” налетел на рифы и получил ужасные повреждения. Спасти корабль было невозможно. Потеря крупного военного судна было невосполнимой утратой для колонии (якорь и пушка корабля через много лет были подняты со дна, доставлены в Сидней и установлены на площади Маквори, в центре города). Это было второе кораблекрушение Хантера, который со своей командой провел на голодающем острове целых 11 месяцев. Долгое сидение на острове осложнялось постоянным противостоянием офицеров Хантера с требовательным майором Россом, комендантом острова.

Вернувшись в Сидней, Хантер провел там всего месяц и отплыл в Англию на попутном голландском судне. Там он предстал перед военным судом за потерю судна, но был оправдан.

По дороге домой он приводил в порядок свои дневники и превратил их в увлекательную книгу о Порт Джексоне и острове Норфолк, которую с успехом опубликовал в 1793 году с собственными иллюстрациями.

Титульный лист книги Хантера, которой зачитывались современники

Хантер возвращается на службу в Королевский флот в качестве офицера на флагманском судне, которым командовал его старый друг Лорд Хау. Вскоре становится известно, что губернатор колонии Новый Южный Уэльс Артур Филлип просит об отставке. Поддерживаемый Лордом Хау, Хантер подает прошение о назначении его следующим губернатором. Оно было удовлетворено, но в путь он отправился лишь через год и прибыл в Сидней в начале сентября 1795 года, в возрасте 58 лет. Вместе с ним в колонию приплыли обуреваемые страстью к географическим открытиям друзья – морской офицер Мэттью Флиндерс и хирург Джордж Басс, а также увезенный А. Филлипом в Англию и настрадавшийся там от холодов абориген Беннелонг.

Хантер отметил большие перемены, которые произошли в колонии за время его долгого отсутствия. Маленькое поселение превратилось в оживленное место. Морские пехотинцы Роберта Росса покинули ее и были заменены корпусом Нового Южного Уэльса под командованием полковника Фрэнсиса Гроуза. Этот офицер после того, как Артур Филлип уплыл из колонии, стал ее вице-губернатором. И он существенно поменял проводившуюся прежним губернатором политику. Вместо равного рациона для всех, он увеличил его для военных, заменил гражданского мирового судью на военного и стал раздавать земельные гранты солдатам. Офицерам, владевшим землей, Гроуз выделил по десять заключенных (вместо полагавшихся двух), которых содержали, вопреки всем инструкциям, за счет администрации. Офицеры, занявшиеся фермерством, быстро добились успехов, а Гроуз покупал продовольствие у них и свободных поселенцев, чтобы кормить заключенных. Эта бесплатная рабочая сила трудилась на частных фермах вместо того, чтобы строить дома и дороги и возделывать поля для общих нужд колонии. Возникла группа быстро разбогатевших офицеров, среди которых особенно выделялся своей алчностью и хваткой лейтенант Джон Макартур. Им удалось захватить в свои руки торговлю привозимым ромом (так тогда называли все виды спиртных напитков), превратить его в валюту, что и способствовало пьянству и разложению жителей колонии. И, хотя эта сплотившаяся группа постепенно выходила из-под контроля администрации, ее приходилось терпеть, так как она помогла колонии выжить в самые голодные годы.

Положение нового губернатора Хантера оказалось с первых же дней трудным, так как он не мог воздействовать на военных и добиться их подчинения. Еще в Лондоне он получил инструкции, предписывающие ему лишить офицеров многочисленных бесплатных рабочих и строго запретить перегонку спиртного и платить военным жалование ромом. Но все попытки губернатора наладить нормальную жизнь в колонии терпели неудачу. К тому же все его помощники оказались людьми слабыми и малообразованными. Его обращения к правительству за помощью оставались без ответа. Британии, вступившей в войну с Францией, было не до далекой колонии.

Но, несмотря на все трудности, губернатору удается улучшить судебное производство, вновь сделав его гражданским, учредить Совещательный совет при губернаторе и организовать полицейскую службу. При нем были построены тюрьма, новые мельницы, первая церковь в Сиднее (была сожжена не желавшими посещать ее заключенными) и двухэтажный кирпичный губернаторский дом в Парраматте. Он смог убедить фермеров начать выращивать маис, обещав им покупать его по справедливой цене. Он всячески заботился о безопасности первопоселенцев и послал отряд солдат в долину Хоксберри защитить их от нападений аборигенов.

Губернаторский дом в Парраматте сохранился до сегодняшнего дня

Губернатор много занимался своим любимым делом: исследовал берега и внутренние районы страны, составлял карты, описал птицу лирохвост, коалу, вомбата и платипуса.

Хантер всячески способствовал изучению побережья и внутренних частей колонии, отправляя в экспедиции Флиндерса, Басса и лейтенанта Шортленда. Последний исследовал места, на которых ныне располагается город Ньюкасл, и назвал крупную реку, впадающую здесь в океан, именем губернатора Хантера.

Флиндерсу и Бассу удается обогнуть землю Ван-Димена (Тасманию) и доказать, что это остров. В это время внутренние земли Австралии были загадкой для колонистов, и в июле 1799 года губернатор Хантер отправляет Флиндерса на север до залива Харвэй, что в 120 км. к северу от современного Брисбена, для поиска рек, по которым можно было бы подняться на лодке и изучить внутренние территории. В этот жестокий век глубоко верующий Хантер оставался добрым и гуманным к несчастным заключенным, особенно к женщинам и детям. Этот мягкий человек никогда не был женат, хотя испытывал привязанность к своим племянникам, а один из них – капитан Уильям Кент провел с ним последние два года губернаторства в колонии.

А взаимоотношения с кликой военных не улучшались. Раздраженные офицеры, которых Хантер пытался призвать к порядку, атаковали правительство в Лондоне многочисленными письмами и анонимными доносами, обвиняющими губернатора в несуществующих злоупотреблениях. И прибытие в Сидней капитана Филипа Гидли Кинга с указом о смещении Хантера никого, и даже самого губернатора, не удивило. Кинг в этом указе объявлялся его преемником. Совместное 5-месячное пребывание в Сиднее этих бывших друзей было мучительным и неудобным.

Хантер покинул колонию 21 октября 1800 года на военном корабле “Буффало”. В Англии он встретил унижительный прием. Государственный Секретарь отказался принять его и ему даже не была гарантирована пенсия, обычно назначавшаяся после тяжелой службы вдали от дома.

В 1802 году Хантер опубликовал книгу о положении дел в колонии, о том, во что она обходится правительству и о путях сокращения расходов на нее. Результатом появления этой книги, рассказавшей о всех трудностях, с которыми столкнулся второй губернатор, стало назначение ему пенсии и возвращение к морской карьере. Адмиралтейство помнит его храбрость и былые заслуги и в 1804 году 67-летний Джон Хантер назначается капитаном на 74-х пушечный корабль “Venerable”, патрулирующий английское побережье. Несчастливая судьба продолжает преследовать капитана, и его судно терпит крушение, унесшее много жизней. Вновь он предстал перед военно-морским судом и вновь был полностью оправдан. В 1810 году ему присваивают звание вице-адмирала, но ему уже никогда не придется поднять свой флаг на море.

Последние годы адмирал мирно провел вблизи Лондона, постоянно посещая родовое гнездо в Лисе, и умер 13 марта 1821 года, дожив до 84 лет. На кладбище Накнеу установлен монумент в его память.

Джон Хантер был первоклассным морским офицером и превосходным составителем карт. Он также несомненно был талантливым натуралистом, о чем свидетельствуют его дневники, книги и рисунки. Он посылал многочисленные образцы австралийской фауны и флоры Президенту Королевского Общества, Сэру Бэнксу в Лондон. В Новом Южном Уэльсе он столкнулся с непосильной задачей без средств и возможностей ее решения. Этот человек чести не вписывался в жестокие условия раннего периода жизни колонии. И если он не справился со своим губернаторством, то это скорее вина равнодушного Английского правительства, не оказывающего ему ни помощи, ни поддержки. Но он любил эту землю и писал, что никогда не был более счастлив, чем когда путешествовал и изучал ее природу, и особенно удивительный животный и растительный мир. И, несмотря на все трудности, Джон Хантер все же смог внести определенный вклад в развитие далекой колонии. Его именем названы район в Сиднее (Hunters Hill) и многие улицы и дороги в городах штата Новый Южный Уэльс.

Третий губернатор Филип Кинг – добросовестный и и недоверчивый капитан (1800-1806)

“Моей главной целью было процветание этой колонии и защита интересов ее жителей, насколько это в моих силах”.

Филип Кинг, январь 1806 года.

Характер этого человека был противоречив. Незаурядный морской офицер и навигатор, он был умен и работоспособен, инициативен, решителен и очень добросовестен. С другой стороны, он был весьма ортодоксален в своих религиозных и политических воззрениях, капризен, недоверчив и подозрителен к людям, мнение которых не совпадало с его собственным, не прислушивался к советам. Кроме того, он довольно часто бывал бестактен. Большой удачей была его дружба с Артуром Филлипом, сыгравшая большую роль в его карьере.

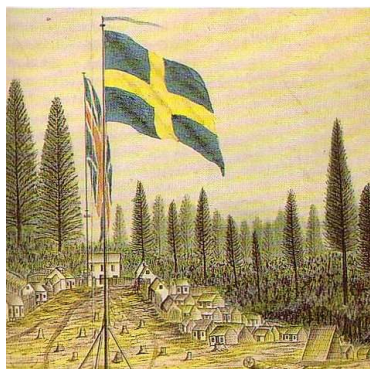
Филип Гидли Кинг родился в Лончестоне, на полуострове Корнуолл, в Англии 23 апреля 1758 года в семье торговца мануфактурой. Мальчуган мечтал стать моряком и уже в 12 лет покинул дом, отправившись в плавание в качестве слуги капитана на небольшом фрегате. Через пять лет он уже плавает как гардемарин, а еще через три года производится в лейтенанты и направляется служить на военно-морское судно “Renown”. В начале 1782 года происходит его важная встреча с капитаном Артуром Филлипом. Корабль того “Ariadne” вместе с “Renown” входят в состав морской группы, охраняющей пролив Ла-Манш. А в конце того же года Кинг переходит служить на 64-х пушечный фрегат “Еugore”, командовать которым поручено А.Филлипу. В 1783 году, когда Британские военно-морские силы были сокращены в связи с завершением войны с Америкой, оба - и Филлип и Кинг были отправлены в отставку на половинное жалование. Но, когда А. Филлип был назначен губернатором колонии Новый Южный Уэльс, он рекомендовал Кинга на должность офицера на военный корабль Первого Флота “Sirius”.

Уже через две с половиной недели после перехода кораблей из Ботани Бэй в сиднейскую гавань и провозглашения нового поселения, лейтенант Филип Кинг был направлен губернатором А. Филлипом с группой из 23 человек (15 среди них были заключенными) на далекий остров Норфолк для организации еще одного поселения. Здесь для нужд колонии предстояло заготавливать древесину и выращивать лен, овощи и зерно. По дороге был открыт неизвестный остров Лорд Хау, названный так в честь Первого Лорда адмиралтейства. Когда дела на

Положение о-ва Норфолк в Тихом океане

Норфолке пошли успешно, губернатор стал направлять сюда все новые группы узников. Они вырубали и распиливали норфолкские сосны, занимались огородничеством и строили склады и жилье. С ростом числа заключенных появились новые трудности. Те воровали еду, старались уклоняться от работы и

На этом острове Норфолк Ф.Кинг провел два года и создал здесь новое поселение

время от времени пытались бунтовать. И здесь Кинг проявил и решительность и жесткость. За кражу и неповиновение он приказывал сечь и мужчин и даже женщин. Несмотря на то, что бедным островитянам приходилось отчаянно бороться с крысами и гусеницами, нападавшими на их урожаи, они все же посылали овощи в колонию и снабжали ее строительной древесиной. Кинг провел на острове 2 года. На Норфолке проявились и приверженность лейтенанта к портвейну и неожиданная для окружающих жадность. Здесь же его экономка, заключенная Эн Иннет, родила ему двух сыновей. Они впоследствии стали отважными морскими офицерами и носили фамилию отца.

В конце марта 1790 года Кинг покидает остров Норфолк и через месяц уплывает в Англию с поручением подробно доложить правительству о состоянии дел в колонии. Во время плавания проявилась преследовавшая Кинга всю оставшуюся жизнь жестокая подагра. В Лондоне Кинг обнаружил, что по рекомендации губернатора Филлипа он был назначен Лейтенант-губернатором Норфолка. Он был принят Секретарем по делам колоний Лордом Гренвиллом и рассказал ему о жизни колонии, ее трудностях и перспективах. В Лондоне он женился на кузине Анне Джозефине Комби. Через 4 дня после свадьбы они уплыли в Сидней, чтобы вернуться на Норфолк, где жена родила ему сына Филлипа Паркера Кинга, будущего известного морского офицера и картографа.

За время отсутствия Кинга количество жителей маленького острова превысило тысячу человек. Причем, население острова, которым в это время управлял командир морских пехотинцев майор Росс, перессорилось и пребывало в постоянных раздорах. Кингу удалось навести порядок, а поддержка им успешных фермеров из числа морских пехотинцев и помилованных заключенных привела к тому, что через два года он мог рапортовать: *“мой остров не только полностью обеспечивает себя зерном, но и может направлять в колонию излишки свинины”*.

После того как губернатор Филлип покинул в конце 1793 года колонию, во главе ее оказался жестокий майор Фрэнсис Гроуз, командир прибывшего сюда военного корпуса Нового Южного Уэльса. И между ним и Кингом начались резкие столкновения. Гроуз постоянно и несправедливо придирался к Кингу, обвиняя его в том, что он относится к присланным на остров солдатам корпуса более сурово, чем к заключенным. Эти ссоры и резкое обострение приступов подагры, заставили Кинга обратиться к прибывшему в Сидней второму губернатору колонии Джону Хантеру с просьбой о возвращении в Англию. И в октябре 1796 года он вновь уплыл в Лондон.

Артур Филлип и покровитель новой колонии Сэр Джозеф Бэнкс хотели видеть Кинга вторым губернатором колонии, но на этот пост был назначен капитан Хантер. Тот не смог противостоять офицерам корпуса Нового Южного Уэльса, терроризировавшим колонию, и навести в ней порядок и был очернен в глазах правительства бесконечными доносами. В ноябре 1797 года Филип Кинг уплывает в колонию с депешей от Государственного Секретаря Лорда Портланда о смещении Хантера и своем назначении следующим губернатором колонии.

Пока Хантер ожидал отплытия в Англию, отношения между Кингом и ним

обострились настолько, что бывшие друзья прекратили разговаривать друг с другом. Кинг ревниво и раздраженно отвергал все советы Хантера и его попытки как-то влиять на принимаемые решения. А Кингу пришлось столкнуться с теми же трудностями, которые испытывал Хантер. Все его стремления обуздать наглых офицеров и особенно их главаря Джона Макартура были обречены на неудачу. К тому же он был груб и невосдержан на язык, что дало им повод объявить нового губернатора “не джентльменом.” И, хотя это звучало смешно в устах людей, погрязших в стяжательстве и пьянстве, Кинг и его жена были глубоко уязвлены и расстроены.

Новый губернатор, оценивая положение в колонии, писал в Лондон, что *“она разделилась на людей, которые торгуют ромом, и на людей, которые покупают его и пьянствуют”*. Он старался бороться с этим, издавая многочисленные распоряжения, которые не выполнялись и, видя, что усилия не дают ожидаемых результатов, постоянно раздражался и вел себя с окружающими грубо и капризно. В марте 1801 года губернатор приказал арестовать Макартура за участие в дуэли и выслать в Лондон для разбирательства в военном суде.

И все же Кингу удалось добиться определенных успехов. Удачный торговый бизнес в колонии Роберта Кемпбелла и бывшего заключенного Симеона Лорда пробил первую брешь в монопольной торговле ромом и продовольствием офицерами печально прославившего себя корпуса. Губернатор учредил в суде первое жюри и просил прислать в колонию компетентных судей. А 1803 году, когда население колонии превысило 7000 человек, губернатор дал разрешение печатнику Джорджу Хау основать первую газету - “The Sydney Gazette”. Полагая, что Сидней станет главной Тихоокеанской торговой базой и сможет избавиться от поставок продуктов из Британии, Кинг всячески поддерживал все коммерческие начинания - такие как разработка угольных залежей, заготовка древесины ценного австралийского красного кедра, организация китобойного промысла и разведение овец. Главным товаром, вывозимым при нем в Лондон, стала в 1806 году овечья шерсть. Он поощрял всяческие попытки выращивать в колонии коноплю (из стеблей ее делали пеньку для канатов), лен, хлопок, табак и виноград. Он вводит систему “ticket-of-leave”, позволяющую заключенным работать за плату и выбирать себе хозяев. Кинг открывает общественные склады, где поселенцы могли покупать товары за приемлемые цены. По совету Преподобного отца Марседена Кинг создает школу для девочек сирот. Он распорядился основать новое поселение на земле Ван-Димена и поселение Ньюкасл, где началась добыча угля. Губернатор сердечно приветствовал капитана Флиндерса, который завершил свое знаменитое плавание вокруг огромной земли, доказав, что она является самостоятельным континентом и назвав его Австралией.

По отношению к аборигенам, нападавшим на поселенцев, губернатор вел себя жестко. Он приказал им покинуть долины реки Парраматта и реки Джордж и велел сурово расправиться с убийцами четырех англичан.

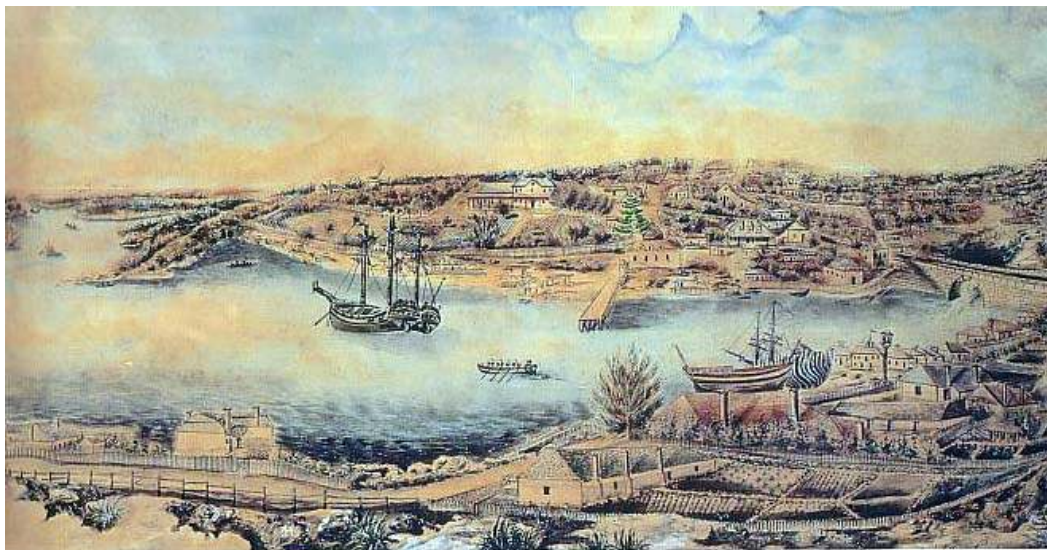
А в Лондон тем временем поступали доносы и жалобы на деятельность губернатора от недовольных офицеров., что постепенно создало у правительства крайне негативное к нему отношение. Его главный враг Джон Макартур вернулся в Сидней в 1805 году как победитель. Он нашел в Лондоне влиятельных покровителей, получил лишь порицание, вышел в отставку и привез письмо от Лорда Кэмдена. Тот распорядился выделить Макартуру пять тысяч акров плодородной земли и разрешил ему привезти в колонию овец-мериносов. Униженный губернатор, страдающий к тому же от приступов подагры, стал

подозрительным, видя в каждом секретного врага и заговора против себя. К этому добавился почти патологический страх перед политическими заключенными ирландцами. Ненавидя англичан, которые оккупировали их страну, они в 1804 году подняли восстание на губернаторской ферме Castle Hill, которое было подавлено с большой жестокостью. Их лидер Каннингэм был повешен, других пороли и отправляли на угольные разработки или на Норфолк. Кроме того, Кинга угнетала невозможность справиться с незаконным ввозом рома и его торговлей. Распущенность нравов и множество незаконнорожденных детей также мучили Кинга и его жену, воспитанных в строгих пуританских традициях.

Еще в 1803 году большой губернатор просил разрешения посетить Лондон для своей защиты и оправдаться от многочисленных наветов. Но ему пришлось ждать своего преемника, капитана Блая целых три года. Блай застал его совершенно больным и измученным. Возвращение в Англию оказалось очень тяжелым из-за многочисленных штормов. В Лондон Кинг прибыл совсем слабым и в подавленном психическом состоянии. Он представил правительству отчет о положении в колонии, а его попытки получить пенсию закончились неудачей.

Этот сломленный и озлобленный человек скончался 8 сентября 1808 в возрасте 50 лет и был тихо похоронен на кладбище церкви Святого Николая в южной части Лондона. Его вдова получила маленькую пенсию, а через 24 года вернулась в колонию к дочери Энн Марии, которая еще в 1812 году вышла замуж за любимого племянника Джона Макартура, Ганнибала. Так неожиданно закончилась былая вражда между семьями Кинга и Макартура.

Филип Гидли Кинг был более успешным губернатором чем Джон Хантер. Несмотря на постоянное противодействие офицеров корпуса Нового Южного Уэльса, ему удалось улучшить положение в колонии. Она, несмотря на социальное напряжение, была наиболее успешной среди Британских колоний своего времени. А сам Кинг по праву вошел в историю Австралии как человек, стоявший у истоков создания нового государства и честно выполнявший возложенные на него обязанности. Его именем в Сиднее названы районы, улицы и парки, а в штате Новый Южный Уэльс в- долины, равнины и дороги.

Так выглядел Сидней при губернаторе Ф. Г. Кинге. Акварель Джона Ланкашира

Четвертый губернатор Уильям Блай – жертва “ромового бунта” (1806-1808)

История была несправедлива к этому отважному морскому офицеру, представляя его жестоким, деспотичным и грубым. В действительности он был человеком долга и строгой дисциплины. Но он был прямолинеен и в нем не было и капли дипломатии. Он легко плодил врагов, но у него же было много достойных друзей. Он вошел в историю мореплавания благодаря своему беспримерному переходу через океан на небольшой шлюпке, а также как отличный картограф. На посту губернатора он показал себя решительным и справедливым человеком, снискав уважение и любовь простых колонистов.

Сын таможенного офицера и мелкопоместного землевладельца, Уильям Блай родился в Плимуте 9 сентября 1754 года. С 15 лет он плавал гардемаринном на небольшом военном шлюпе, а затем на больших кораблях и усердно осваивал премудрости математики, навигационного и артиллерийского искусств. Его способности и прилежание обратили на себя внимание, и в марте 1776 года он был направлен на корабль “Resolution”, отправляющийся под командованием Джеймса Кука в его третье кругосветное путешествие. Плавание под руководством замечательного навигатора и гидрографа Кука позволило Блаю стать мастером в составлении морских карт. Кроме того, Блай перенял многие черты характера жесткого, вспыльчивого и необычайно требовательного Кука и понял, что для успеха любого плавания надо держать команду в строгом подчинении. Он был свидетелем гибели великого капитана в стычке с туземцами на Гавайях и привел его корабль в Англию. Там в 1781 он женится на Элизабет Бэтхем из знатного и богатого шотландского рода Кэмпбеллов. Они счастливо прожили 31 год, воспитывая шестерых дочерей. Через неделю после свадьбы Блай уже участвует в боях с голландскими судами, а с 1783 по 1787 год водит торговые корабли в Вест-Индию.

В конце 1787 года он направляется на шлюпе “Bounty” на остров Таити, откуда ему предстояло перевезти саженцы хлебного дерева в Вест-Индию. Долгое стояние на райском острове Таити и его доступные обитательницы развратили часть команды. Многие мечтали остаться здесь. И их возмущала строгая требовательность и постоянная грубость капитана. После отхода с Таити на “Bounty” вспыхнул бунт. Блая и еще 18 человек высадили в семиметровую шлюпку посреди Тихого океана, без оружия, карт и с ограниченным запасом продуктов. И здесь Блай проявил чудеса решительности и навигационного искусства. За полтора месяца он сумел провести свое крохотное суденышко, переполненное людьми, через штормы, изнуряющую жару и опасные рифы до острова Тимор, преодолев шесть с лишним тысяч километров. По возвращении в Англию капитан предстал перед военно-морским судом для рассмотрения дела об утрате судна и был полностью оправдан. Он опубликовал свои записки “Мятеж на Баунти”, которые быстро перевели на многие европейские языки. Невероятное плавание прославило Блая, но и стало его проклятием, поскольку его имя навсегда осталось связанным с этим бунтом. За ним даже укрепилось прозвище “Блай с Баунти”.

Мятеж произошел из-за противостояния жесткого, не терпящего никаких споров и

Блая и его спутников высадили в небольшую шлюпку в открытом океане. Акварель Р.Додда (1790)

нарушений дисциплины, грубого и невожатанного на язык капитана и распустившейся команды, которую возглавил нервный и самолюбивый мичман Христиан Флетчер. В 1791 году Блай совершает второе успешное плавание с саженцами хлебного дерева в Вест-Индию. Обогнув земной шар, он в начале 1793 года, несмотря на начавшуюся войну с Францией, благополучно возвращается в Англию. Хотя военный суд полностью оправдал его за “потерю” судна, адмиралтейство начало с предубеждением относиться к этому

прямолинейному капитану и долго не решалось привлечь его к командованию военными судами. Но, наконец, он начал плавать капитаном крупных кораблей, участвовал в битвах при Кемпердауне и за Копенгаген и в обеих из них отличился.

И тут происходит крутой поворот в судьбе Уильяма Блая. Он получает письмо от своего покровителя Президента Королевского Общества сэра Джозефа Бэнкса. Тот сообщает, что рекомендовал королю Георгу III назначить Блая губернатором колонии Новый Южный Уэльс. На этом морская карьера 50-летнего героя заканчивается. Остальная часть его жизни пройдет, в основном, на суше.

В то время положение в далекой английской колонии оставалось непростым. Ею по сути продолжала править группа офицеров военного корпуса. Их бывший командир майор Гроуз снял ограничения на ввоз в колонию рома и щедро одаривал своих подчиненных земельными наделами. Они же скупали ром и все товары, привозимые из Англии, а затем продавали их поселенцам втридорога. Одним из их главарей был Джон Макартур, вышедший в отставку богатый землевладелец. Ни второй губернатор Джон Хантер, ни сменивший его Филип Кинг не могли справиться с этой дерзкой группой. А Макартур нагло интриговал против губернаторов и впоследствии, не смущаясь, хвастался, что способствовал их отставке. Обстоятельства требовали назначить новым губернатором достаточно твердого и мужественного человека. Таковым, по мнению сэра Джозефа Бэнкса, являлся капитан Блай, *“человек прямой, безупречный, а, главное, решительный, который не станет скулить и хныкать, когда потребуются срочно ввести суровую дисциплину”*. Но самого Блая смущали необходимость разлуки с любимой женой, панически боявшейся моря, а также полное незнакомство с положением дел в колонии. В конце концов он согласился и в начале 1806 года отплыл в колонию вместе с дочерью Мэри и ее мужем.

Новый губернатор был встречен жителями колонии с энтузиазмом. Но третий губернатор Филлип Кинг, собирающийся покинуть колонию, рассказал ему о беспардонном поведении всевластной офицерской верхушки, которую возглавлял подполковник Джонстон, а вдохновлял алчный Макартур.

В первый месяц своего правления Блай получил две жалобы от свободных поселенцев Сиднея и долины реки Хоксбери по поводу нарушений их прав и притеснений, творимых Макартуром и офицерами. Губернатор был настроен решительно, но готовился вести себя сдержанно. В эти дни он писал Бэнксу: *“Я начинаю мое правление и намереваюсь до конца его быть вежливым и внимательным к каждому”*. Прежде всего он объехал долину Hawkesbury, пострадавшую от новоднения, выслушал каждого, распорядился выделить фермерам мясо из государственных запасов и разрешил приобретать со складов одежду и вещи в кредит под будущий урожай.

Блай понимал, что прежде всего надо покончить с главным злом - установить контроль над торговлей спиртом и лишить офицеров возможности заниматься вымогательством. Одновременно он решил заняться приведением в порядок государственных строений. Склады и зернохранилища нуждались в ремонте, церкви в

Сиднее и Парраматте не были достроены, даже губернаторский дом был едва пригоден для жилья. Он срочно направил рабочих на приведение зданий в порядок и писал Сэру Бэнксу: “... когда я сделаю это, я думаю этот город будет очаровательным местом”. Блай издает новые четкие правила, регулирующие деятельность сиднейского порта и постановление о необходимости исчислять доходы в британских фунтах стерлингов. Он приказал снести дома, самовольно построенные на государственной землях, и запретил бесконтрольно пользоваться трудом заключенных. Это возмутило офицеров и некоторых вольных поселенцев и породило первые утверждения о “потере свободы и новой эре тирании”.

В июне 1807 года колонию посетило первое русское судно “Нева”. Губернатор оказал команде этого шлюпа теплый прием, а капитан Гагемейстер, покидая колонию, сделал такую запись в судовом журнале: “сие селение находится еще в начальном состоянии, хотя удивительно много сделано, а губернатор теперешний своими распоряжениями, может быть, возвысит еще скоро цену, которую поселение сие имеет, ... а сия земля будет изобиловать хлебом и всем нужным для жизни... и от Китая и Ост-Индии откроются хорошие условия для торговли”.

Строгие меры Блая возымели действие. Поселенцы смогли получать товары в кредит и по доступным ценам. Пренебрегать приказами губернатора можно было только подпольно. Он заменил некоторых нечестных чиновников, обращался с просьбами к правительству о срочной замене разложившегося военного корпуса и просил заменить военного прокурора Аткинса, невменяемого пьяницу. Но Уайтхолл не торопился с ответом. А недовольные губернатором бурно осуждали его между собой и писали в Лондон доносы. Так, доктор Харрис писал: “сам Калигула не правил более деспотичным образом”. Ему вторили подполковник Джонстон и другие. Отношения с оппозиционной кликой постепенно накалялись и это привело к взрыву. Блай, разгневанный нарушением его приказа, запрещающего перегонку спирта, велел изъять присланный Макартуру дистиллятор. Тот обратился в суд, требуя оставить ему медный котел, и суд под председательством Аткинса решил дело в его пользу. Затем Блай приказал арестовать шхуну Макартура, на которой беглый каторжник сбежал на Таити. Макартур нарушил и этот приказ, и тогда Блай распорядился арестовать его самого и предать суду. Заседание военного суда, естественно, закончилось оправданием Макартура и переросло в открытый бунт, ныне известный как “ромовый мятеж”.

Макартур подделал петицию от жителей колонии, призывающую подполковника Джонстона взять управление в свои руки, а себя вообще назначил Секретарем колонии. 26 января, когда Блай отмечал с друзьями 20-летие основания колонии, его дом был окружен солдатами, а сам он был помещен под домашний арест. Он провел под этим арестом почти 14 месяцев, не соглашаясь покинуть колонию без получения приказа из Лондона. Он видел, что простые жители колонии вновь начали жестоко страдать от притеснений. Незаконно арестованный Блай не раз писал правительству о происшедшем, объясняя, что мятеж произошел из-за Макартура. Но Лондон молчал. Уайтхолл был полностью поглощен войной с Наполеоном. В начале 1809 года Блая вынудили отправиться в Англию, взяв с него обещание не возвращаться в колонию. Но, поднявшись на палубу судна “Porpoise”, он изменил свое решение и направил судно в Хобарт, столицу Земли Ван-Димена, Здесь он рассчитывал найти поддержку у тамошнего лейтенант-губернатора Каллинза и дожидаться ответа о своей судьбе из Лондона. Униженный Блай, находившийся в подавленном и раздраженном настроении, начал вести себя как действующий губернатор. А в это время Каллинз получил письмо из Сиднея, в котором мятежники требовали прекратить с ним всякое общение. После этого началась

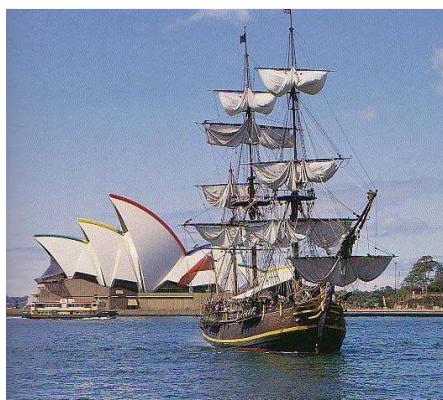

Джонстон оглашает прокламацию о смещении губернатора. Н. Линдсей (1928)

скрытая война против смещенного губернатора. Он даже потерял возможность отправлять письма в Англию, никто уже не боялся его. Тогда Блау увел свой корабль и поставил его на реке Дервент, блокируя приплывающие корабли. Наконец, в декабре 1809 года в лагере Блая остановился китобоец “Albion” с новостью о прибытии в Сидней нового губернатора. И первого января 1810 года “Porpoise” поднял паруса и вернулся в Сидней. Новый губернатор Лахлан Маквори увидел как много сделал его предшественник и насколько действия того облегчат предстоящее ему правление. Блау удалось добиться замены разложившегося военного корпуса и сломать хребет алчной банде вымогателей. Первое время Маквори и Блау пребывали в самых дружеских отношениях. Однако, вскоре новый губернатор начал понимать, что резкие и грубые манеры Блая вредили его добрым начинаниям. Он с нетерпением ждал его отъезда и даже назвал его в одном из частных писем “неприятной личностью”. Перед отплытием в Англию растроганный капитан получает прощальный адрес, подписанный 460 жителями колонии, в котором они благодарили его за то, что он сделал для нее и выражали сожаление по поводу расставания с ним. Но большим огорчением стало то, что его любимая дочь и верная помощница Мэри решила выйти замуж за командира нового военного корпуса Мориса О’Коннела и остаться в Сиднее.

В Лондоне состоялся суд над мятежниками, жестоко их наказавший. Но несправедливые упреки и клевета в адрес Блая попали на страницы газет. Это вызвало глубокую депрессию у его любимой жены, которая вскоре ушла из жизни. Сразу после суда Блау был произведен в контр-адмиралы, а через год в вице-адмиралы, но он никогда уже больше не плавал. Остаток жизни Блау провел с четырьмя дочерьми в прекрасном поместье в Кенте. Адмиралтейство ценило его и неоднократно привлекало к решению важных вопросов. Он умер 7 декабря 1817 года на 64 году жизни и похоронен рядом с женой на кладбище Св.Мэри в Lambeth, в Лондоне.

Уильям Блау был отважным и честным, но он же мог быть непереносимо резким и яростным. Он был удивительно прямолинеен и груб и легко плодил врагов. Судебные разбирательства всегда оправдывали его и не мешали продвижению по службе, но бросали на него тень и вызывали негативное отношение в обществе. И все же он вошел в историю. Выдающиеся способности этого блестящего навигатора и исследователя ставят его в один ряд с многими знаменитыми мореплавателями. А будучи губернатором Нового Южного Уэльса, за ничтожно короткий срок он сумел изменить отношение английского правительства к молодой колонии и вынудил его к активным действиям, сумел победить коррупцию, положил начало всемерной поддержке мелких землевладельцев и освободившихся заключенных. Его роль в истории Австралии нельзя недооценивать.

И благодарные жители штата Новый Южный Уэльс поставили памятник этому неистовому капитану на берегу сиднейской бухты, назвали улицы и дороги его именем. А по водам сиднейского залива скользит копия его “Баунти” – еще один памятник капитану и губернатору Уильяму Блау.

Пятый губернатор Лахлан Маквори – гуманный и деятельный офицер (1810-1821)

Он смог вывести колонию из состояния разрухи и анархии. Он занимал свой пост 12 лет – самый длинный период единовластного правления в истории Австралии. Этот деятельный губернатор был по отечески благожелателен к жителям колонии, особенно к тем, кто наиболее нуждался в помощи – мелким фермерам и заключенным. Ему удалось покончить с коррупцией и заложить фундамент сильного и деятельного правительства. С настойчивостью миссионера он заботился о морали и добродетели колонистов. И ему приходилось бороться с отношением Лондона к колонии только как к месту ссылки преступников. Ведь он мечтал о свободной и процветающей стране.

Лахлан Маквори родился в Шотландии в обедневшей аристократической семье 31 января 1761 года. В 15 лет он вступил в британскую армию. Он служил на Ямайке и в Канаде и участвовал в войне против независимости Америки. Основная часть воинской службы храброго офицера была связана с Индией, где он с перерывами провел почти 20 лет и отличился в местных войнах. В Индии же он женился на богатой наследнице, которая умерла через несколько лет. В этой влажной стране он подхватил лихорадку, от которой страдал всю жизнь. Он возвращается в Шотландию в 1803 году, где покупает имение на острове Мэлл и делает предложение своей дальней родственнице Элизабет Кэмпбелл. Через два года он вновь отправляется служить в Индию. В 1807 году, торопясь к своей невесте, он решает добраться до Англии через Персию и Россию. Несмотря на трудности этого путешествия, которое он впоминал как кошмар, у него остались восторженные воспоминания о блестящем Петербурге и оказанном ему там гостеприимстве. В декабре 1807 состоялась его свадьба с Элизабет, положившая начало долгой счастливой совместной жизни.

А в далекой колонии Новый Южный Уэльс в результате бунта местного военного корпуса (так называемый “ромовый мятеж”) был смещен четвертый губернатор Уильям Блай. И английское правительство решает назначить военным губернатором подполковника Лахлана Маквори и направить его в колонию со своим 73-им полком, приказав расформировать взбунтовавшийся корпус. 47-летний офицер был известен как энергичный, благородный и высокопорядочный человек. После четырех капитанов Королевского флота управлять колонией впервые был назначен офицер сухопутных войск.

Маквори прибыл в колонию в конце 1809 года и в новогоднюю ночь принес официальную присягу как губернатор. Одно из его первых распоряжений касалось отмены всех приказов командира взбунтовавшегося корпуса подполковника Джонстона и аннулирование всех розданных им земельных грантов. Уильяма Блая, посетившего Сидней перед возвращением в Англию, Маквори, уже знавший о его тяжелом нраве, тем не менее встретил с почетом. А свадьбу дочери Блая Мэри с командиром 73-го полка М. О’Коннелом губернатор торжественно отпраздновал в своем доме.

Дальнейшее поведение нового губернатора удивило многих чиновников и

офицеров. Он объявил о своем намерении всячески содействовать получившим свободу заключенным. Вскоре он назначил некоторых из них на ответственные посты и даже стал приглашать к себе на обеды. Среди них были такие, вошедшие в историю Австралии люди, как врач Уильям Редферн, архитектор Фрэнсис Гринвей и первые преуспевающие бизнесмены Э. Томпсон и С.Лорд, а также женатый на заключенной врач Дарси Вентвортс. Многие в окружении Маквори, и особенно священник Марсден и вернувшийся в колонию Макартур стремились препятствовать этой новой политике.

Губернатор решил навести порядок в планировании Сиднея и начать строить дороги и новые здания. Он заключил необычный контракт с тремя богатыми землевладельцами, которые обязались выделить средства на строительство большого госпиталя в обмен на право ввоза и продажи 45 000 галлонов рома. Этот “Ромовый госпиталь” был построен за три с половиной года и два его крыла сохранились до сегодняшнего дня – здание парламента и музей “Монетный двор”.

*В северном крыле “Ромового госпиталя”
ныне разместились парламент штата*

Маквори начинает искать места для новых поселений, стараясь выбирать для этого плодородные земли, не страдающие от засухи. Он издает специальный приказ об основании пяти поселений в долине реки Нипин. Пройдут годы и эти поселки Вильберфорс, Питтаун, Виндзор, Каствэроу и Ричмонд превратятся в современные города. В конце 1811 года губернатор посетил землю Ван-Димена, где остался доволен состоянием дел на острове и распорядился основать поселение Джорджтаун в устье реки Тамар.

В 1813 году три отважных колониста Блэксленд, Лоусон и юный Уильям Вентвортс первыми пересекли казавшиеся непроходимыми Голубые горы, отделявшие колонию от внутренних частей страны. Маквори посылает топографа Уильяма Эванса обследовать открывшиеся земли. И уже через год губернатор послал лейтенанта У. Кохса с командой солдат и 162 заключенными строить дорогу в открытую Эвансом плодородную долину реки, названную в его честь рекой Маквори. По этой же дороге губернатор одним из первых путешествовал в сопровождении любимой жены и своей свиты. В этой поездке он распорядился о создании поселения Бэтурст на месте бывшего лагеря Эванса на реке Маквори.

По распоряжению правительства, считавшего поселение острова Норфолк неэкономичным, в 1814 году оттуда вывозят поселенцев. Губернатор полон энергии, ограничивает беспощинную торговлю ромом, проводит ревизию всех складов, закрывает публичные дома, зато открывает воспитательный дом для детей сирот, организует закупку дешевой пшеницы в Индии. Он, как и предыдущие губернаторы, пытался наладить добрые отношения с аборигенами, но его попытки были обречены на неудачу. Он вынужден был издать особое распоряжение об охране поселенцев и их ферм от набегов туземцев. А в конце лета 1814 года произведенный в полковники губернатор тепло принимал команду русского корабля “Генерал Суворов”.

Мечтая о новых красивых поселках в колонии, он просил Лондон прислать ему архитектора, но в ответ получил письмо, запрещающее всякое крупное строительство без высочайшего разрешения. Губернатор решил для себя этим

запретом пренебречь. В 1814 году в колонию прибыла группа заключенных. В их числе был талантливый архитектор Фрэнсис Гринвей. В нем Маквори нашел верного единомышленника и они принялись за строительство Сиднея.

В колонии до сих пор сохранились прекрасные здания Гринвея. В Сиднее это бараки Гайд парка, церковь Св. Джеймса, и внушительные губернаторские конюшни (внутри их стен впоследствии построят консерваторию), в Виндзоре это церковь Св. Матвея, а в Ливерпуле - церковь Св. Луки. А над океанским обрывом южнее входа в залив Порт Джексон поднялась “Башня Маквори” (этот красивый маяк был позже заменен точной своей копией).

Бараки Гайд парка

Маяк – “Башня Маквори”

Экономический рост колонии потребовал обзавестись собственной валютой. И губернатор приказал выбивать из присланных ему трофейных испанских монет центральную часть. Дырчатые монеты превращали в 5-ти шиллинговые “Holey dollars”, а центральные части шли на 15-ти пенсовики (“dump”). Он задумал также открыть банк, но из-за сопротивления Лондона ему удалось осуществить это только в 1817 году.

Несмотря на полезную деятельность властного губернатора, у него появились недруги среди богатых и высокопоставленных членов колонии, чьи интересы он так или иначе ущемлял, так как был человеком справедливым и принципиальным. Среди них были разбогатевший Преподобный отец Самуэль Марсенд, вернувшийся в колонию зачинщик “ромового бунта” Джон Макартур, судья Эддис Бент и его брат упрямый сноб Джеффри и ряд офицеров 42 –го полка, который заменил родной полк Маквори в 1814 году. От этих людей посыпались жалобы в Лондон. А партии заключенных все прибывали. Чтобы занять их полезной работой, губернатор увеличил строительство дорог и зданий. Это вызвало недовольство правительства, которому от колонии нужна была только шерсть, а совсем не благосостояние ее жителей. Маквори было сделано строгое, но несправедливое внушение. Раздосадованный и издерганный местными дрязгами, он подал в 1817 году прошение об отставке. Но вместо ответа в 1819 году в Сидней прибыл уполномоченный Офиса по делам колоний, твердолобый служака Джон Бигг. Ему было поручено разобраться с делами колонии и жалобами на Маквори. Первым делом посланник Лондона объединился с противниками губернатора и запретил вести всякое серьезное строительство, разрешив только довершить возведение церкви Св. Джеймса. Затем он обрушился на политику Маквори в отношении освобожденных заключенных. Врач Редферн, столько лет верно служивший колонии, был снят со своей должности, как и некоторые другие протеже губернатора. Все начинания Маквори Бигг встречал с недоверием и враждебностью, думая только об сокращении затрат на колонию. В тяжелые дни 1820 года светлым событием стали многочисленные дружеские встречи с посетившими Сидней офицерами четырех российских кораблей, которыми

командовали известные капитаны Ф. Беллинсгаузен, М. Лазарев, Г. Шишмарев и М. Васильев. А отношения с Биггом становились все сложнее и в 1821 году униженный Маквори вновь просит об отставке. И на этот раз, не без содействия Бигга, уплывшего в Англию в начале того же года, его просьба была удовлетворена. Через два с половиной месяца после вступления в должность нового губернатора колонии – Сэра Томаса Брисбена, 15 февраля 1822 года Маквори покинул колонию с женой и 8-летним сыном. Ставший уже генерал-майором отставной губернатор уплыл из Сиднея безо всяких почестей не на Его Величества военном корабле, а на обычном торговом судне.

Вернувшись в Британию в 1822 году, он был представлен королю Георгу IV и имел короткую встречу с лордом Бэтурстом, который пообещал ему достойную пенсию и производство в рыцари. Но на решение этих вопросов требовалось время. Семья Маквори стала жить в своем имении на острове Мэлл. Последние месяцы жизни генерала были омрачены безуспешными попытками оправдать свое имя, на которое бросили тень три опубликованных доклада Бигга о положении в колонии Новый Южный Уэльс. Его большое оправдательное письмо Секретарю по делам колоний оставалось без ответа. К тому же у него обострилась лихорадка, подхваченная еще в Индии. И он решил посетить Лондон. Там он был принят лордом Бэтурстом, который сообщил Маквори о том, что ему положена ежегодная пенсия в 1000 фунтов, но просьбу о рыцарстве не удовлетворили. К сожалению, он не успел воспользоваться этой пенсией и умер в Лондоне 1 июля 1824 года. На его могильной плите начертано: “Отец Австралии”. А письмо, опровергающее обвинения Бигга, было опубликовано лишь через 4 года после его смерти.

Когда печальное известие об уходе из жизни любимого губернатора достигло Сиднея, все церковные колокола звонили с рассвета до заката, а “*Sydney Gazette*” вышла с черными страницами и словами “*Плачь Нация, плачь! Маквори больше нет..*”.

Памятник Л. Маквори у здания парламента в Сиднее

За те двенадцать лет, когда губернатором колонии Новый Южный Уэльс был Лахлан Маквори, жизнь в ней существенным образом изменилась. Население увеличивалось и с ним увеличивалось число узников, получивших свободу и привлеченных к нормальной жизни. Развернулось строительство дорог и зданий, суд стал более справедливым, а торговля и сельское хозяйство получили толчок к развитию. На смену распущенности пришли строгие нормы поведения, присущие религиозному добродетельному обществу. Население колонии любило своего энергичного губернатора. Несмотря на несправедливую оценку его деятельности правительством Британии, он прочно вошел в историю Австралии. И сегодня имя пятого губернатора Лахлана Маквори носит бесконечное количество улиц, площадей, дорог, рек, озер, островов, хребтов, и каждый житель Австралии знает, в чью честь даны эти названия.

Шестой губернатор Сэр Томас Брисбен - генерал, влюбленный в астрономию (1821-1825)

Губернаторство этого генерала, бывшего известным ученым, не считали особенно успешным. Четыре года благородный и справедливый человек, полный благих намерений, стремился примирить враждебные группы общества - освободившихся преуспевающих заключенных и богатых свободных поселенцев. Но часто ему, любителю спокойной жизни, не хватало желания самому заниматься решением тяжелых проблем, и он перекладывал заботу о них на плечи подчиненных. И, тем не менее, он успешно осуществил ряд важных реформ, особенно в области землевладения. Будучи добрым, глубоко порядочным человеком, он оставил о себе в истории Австралии хорошую память.

Томас Брисбен родился 23 июля 1773 года в семье, принадлежавшей старинному аристократическому роду в шотландском городе Ларгсе, Эйршайр. Ему была уготована военная карьера, поэтому пребывание в университете Эдинбурга, где он проявил математические способности и увлекся астрономией, оказалось коротким. В 17 лет он уже присоединился к военному полку, где началась его дружба с будущим полководцем Артуром Веллингтоном - "железным герцогом". Юный Томас служил в Ирландии и Фландрии, быстро продвигаясь по службе. В 1795 майору Брисбену удалось предотвратить кораблекрушение во время шторма, обнаружив навигационную ошибку капитана. Этот случай привел его к решению серьезно познакомиться с использованием астрономии в морской навигации. Уже в 27 лет Брисбен становится подполковником и командует полком на Ямайке, затем служит в Индии, где жестоко страдает от местного климата. В 1805 году он выходит в отставку на половинное жалование и занимается астрономией, для чего строит в 1810 году в своем родовом имении первую в Шотландии обсерваторию. Его научные успехи находят признание, и его избирают членом Королевского Общества. В тревожный 1812 год Брисбен снова в армии. Под водительством фельдмаршала А. Веллингтона он со своим полком участвовал в битвах на Пиринейском полуострове и был свидетелем разгрома французов.

В следующем году Томас Брисбен стал генерал-майором, заслужил благодарность от парламента, а в 1814 году получил рыцарский титул. Интерес Брисбена к астрономии сыграл немалую роль в его дальнейшей судьбе. Еще в 1815 году, находясь с Веллингтоном в оккупированном Париже, он попросил герцога ходатайствовать о продолжении его военной службы в Новом Южном Уэльсе, так как мечтал познакомиться с южным небосводом. Тогда это его желание не исполнилось. Через три года Сэр Брисбен выходит в отставку, уезжает в Шотландию и женится там на богатой наследнице Энн Мэри Макдоугалл. Когда в 1821 году встал вопрос о замене в далекой австралийской колонии губернатора Маквори, герцог Веллингтон предложил поставить на этот пост своего близкого друга генерала Брисбена. Секретарь по делам колоний лорд Бэтurst отнесся к кандидатуре ученого скептически, заявив: *"ему придется править не на небесах, а на земле Нового Южного Уэльса"*. Однако, он был вынужден уступить могущественному герцогу.

Высокий, темноволосый, по военному подтянутый 48-летний генерал с

мягкими и внимательными голубыми глазами прибыл в Сидней 7 ноября 1821 года вместе со своей женой и двумя друзьями астрономами и 1 декабря принес присягу как губернатор.

Новый губернатор столкнулся с обществом, верхушка которого была разделена на враждебные партии. Богатые свободные поселенцы образовали элиту общества. Те из них, которых называли “исключительными” (*exclusives*), были крайне недовольны политикой предыдущего губернатора Маквори, пытавшегося уравнивать с ними в правах преуспевающих освободившихся или помилованных заключенных. Особенно яростно протестовали против этого богатый землевладелец Джон Макартур, священник Самуэль Марсден, судья Бент. Другие (*liberals*) относились к этой проблеме более спокойно и считали, что успешные экс-заключенные должны обладать всеми гражданскими правами (в Британии такого рода либералы поддерживали партию Виггов). Самую многочисленную группу составляли так называемые эмансиписты (*emancipists*). К ним относились бывшие заключенные, лица, состоявшие в браке с заключенными, и их дети, а также мелкие фермеры из числа свободных поселенцев. Среди них было немало преуспевающих деловых людей, таких как бывшая заключенная, знаменитая Мэри Риби (Mary Reiby), владелица торговых судов, пакгаузов и ферм, ставшая одной из основателей первого банка (портрет этой бывшей каторжанки ныне украшает 20-долларовую австралийскую банкноту). Не менее известными были Симеон Лорд, богатейший землевладелец, и Джеймс Андервуд, успешный импортер товаров из Европы и Индии. Разделение и вражда в обществе, стремление *exclusives*, которые уже контролировали экономику, получить и политическую власть, крайне осложняло деятельность Брисбена.

Задания, полученные в Лондоне шестым губернатором, основывались на рекомендациях уполномоченного Офиса по делам колоний Бигга, посетившего Сидней в 1819-20 годах. Брисбену предстояло расширить поселения и навести порядок в землепользовании, усилить дисциплину заключенных, создать Законодательный Совет и независимую гражданскую судебную систему. Следуя инструкции Государственного секретаря по делам войны и колоний лорда Бэтурста, Брисбен отправил отряд во главе с главным топографом колонии Джоном Оксли исследовать залив Моретон и низовья реки, получившей имя Брисбен, для создания нового поселения заключенных. Сегодня здесь раскинулась столица штата Квинсленд – город Брисбен. Губернатор всячески поддерживал исследователей удаленных частей колонии. Два из них, Гамильтон Хьюм и Уильям Хавелл обнаружили прекрасные пастбища вдоль реки Муррей, а затем проникли на юг до залива Порт Филлип, на севере которого ныне расположилась столица штата Виктория – Мельбурн. Тогда же Филлип Паркер Кинг, сын третьего губернатора колонии, исследовал области вокруг Бэтурста, а ботаник Аллан Каннингэм открыл тучные пастбища в районе Муджи, в долине реки Хантер и на равнинах Ливерпуля. Сам же губернатор построил обсерваторию на холме напротив своей резиденции в Парраматте и приступил к серьезному изучению неба над Южным полушарием. Он основал Философское общество Австралии, а затем и Королевское общество Нового Южного Уэльса, и стал первым его президентом.

К заключенным Брисбен относился сочувственно. Он охотно освобождал заключенных, а из 35 приговоренных к смерти помиловал 32 узника. Но освобожденные должны были жить вдали от соблазнов и пороков Сиднея.

С аборигенами губернатор долго вел себя нерешительно, ибо уповал, главным образом, на увещание и доброту. Он искренне верил, что доброе отношение может превратить в хорошего христианина любого преступника и

каждого аборигена. Брисбен выделил землю, скот и семена для миссионеров, стремящихся приобщить диких туземцев к христианству. Но когда в 1824 году начались нападения аборигенов на поселенцев в районе Бэтурста, губернатор решительно ввел там военное положение и отправил вооруженную молодежь навести порядок.

В 1822 году Брисбен упорядочил и облегчил получение грантов на землю, запретив, однако, поселенцам захватывать неисследованные площади. Землю до 500 акров можно было получать в соответствии с имеющимися средствами (на 1 фунт - 1 акр). Земли в радиусе 40 миль вокруг городов были объявлены собственностью Короны. Владельцам земель разрешалось иметь столько слуг из числа заключенных, сколько им было под силу одеть и прокормить. Только через три года британское правительство утвердило возможность выделения 2560 акров земли для бедных поселенцев. Богатым предоставлялось право покупки 9600 акров через аукционы.

В 1822 году в Сиднее была создана Колониальная Общественная Служба, призванная облегчить деятельность губернатора. Она состояла из Секретаря колонии, казначея, инспектора, поверенного и стряпчего, причем у каждого был свой офис и чиновники. Вскоре губернатор, который предпочитал проводить большую часть времени в Парраматте в своей любимой обсерватории, и посещал Сидней только раз в неделю, начал понимать, что бразды правления ускользают из его рук. Он начал игнорировать деятельность Общественной службы и это сильно вредило его популярности среди населения. Но, когда в 1824 году лидер эмансипистов Уильям Вентвортс и его друг адвокат Роберт Уорделл выпустили без разрешения губернатора первый номер своей газеты "Australian", Брисбен, придерживающийся демократических взглядов, отнесся к этому событию довольно миролюбиво. Однако критические публикации в этой газете и в "Morning Chronicle" еще больше расшатывали его авторитет.

В 1824 году в соответствии с решением британского правительства Брисбен учредил Законодательный Совет из пяти членов и поручил председательствовать на его заседаниях своему другу судье Ф. Форбсу.

Много забот доставляли набожному губернатору разногласия между протестантами и католиками. Стремясь погасить их, он обращался в Лондон с просьбой присылать католических священников, поддерживал строительство и методистских и католических церквей. Брисбен серьезно относился к развитию сельского хозяйства и уговаривал фермеров выращивать виноград в долине реки Хантер, которая сегодня является главным винодельческим районом штата. Он также ратовал за разведение сахарного тростника, льна, хлопка и кофе, для чего распорядился привозить семена и саженцы из далеких стран. Испытывая страсть к лошадям, он купил на свои деньги арабских скакунов и организовал регулярные скачки. Он радовался как ребенок, когда на них побеждала его лошадь.

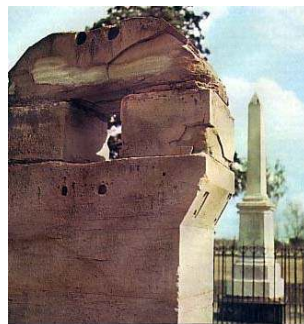
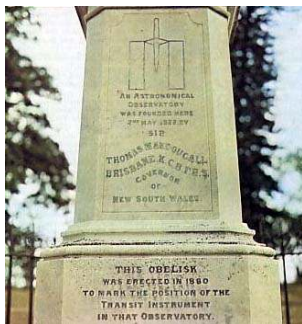

Купальня Брисбена в Парраматте.

При Брисбене Новый Южный Уэльс неуклонно превращался из места ссылки заключенных в успешную колонию с большим количеством свободных поселенцев. В 1825 году здесь проживало уже 38 313 человек. Количество овец достигло 238 000, рогатого скота – 135 000 голов. В колонии строились школы, нормально действовала судебная система, пресса была свободной. Но это не избавляло губернатора от постоянных нападков.

Газеты, критикуя его, не упускали возможности

язвительно замечать: “Сэр Томас посвящает большую часть своего времени своей обсерватории и стрельбе по попугаям”.

Этот монумент и остатки обсерватории, стоящие неподалеку от губернаторского дома в Парраматте, напоминают об ученом и губернаторе колонии Сэре Брисбене

А в его административном окружении то и дело вспыхивали ссоры, и ему не всегда удавалось избегать их. Эти ссоры сопровождались письмами и петициями в Лондон с жалобами на бездействие губернатора, который довел общественную жизнь колонии до хаоса. А тут еще разгоралась его борьба с Секретарем колонии майором Фредериком Голбурном. Тот все чаще пренебрегал распоряжениями губернатора, стремясь прибрать управление колонией к своим рукам. И, когда Брисбен направил в Лондон официальное обвинение против своего подчиненного, лорд Бэтurst недолго думая, отозвал их обоих из колонии. Как и в случаях с другими губернаторами, правительству было проще заменить его, чем вникать в суть дела.

Шестой губернатор Нового Южного Уэльса Томас Брисбен отплыл со своей семьей в Англию 1 декабря 1825 года. По возвращении он вышел в отставку, поселился в родном доме и посвятил себя науке, для чего построил еще одну обсерваторию. Он подарил своему родному городу Ларгеу прекрасные пляжи и пожертвовал деньги на создание школы “Brisbane academy”. За его каталог 7000 звезд, наблюдаемых в Парраматте (знаменитый “Parramatta catalogue”), который был опубликован в 1835 году, он был награжден золотой медалью Астрономического общества. Кроме того, он был избран президентом Королевского общества в Эдинбурге. Брисбен и его жена жили очень дружно и горевали о преждевременной смерти своих четверых детей.

Умер Томас Брисбен 27 января 1860 года в той же комнате, в которой и родился 87 лет тому назад.

Томас Брисбен оставил о себе память как о благоразумном и мудром губернаторе. При его правлении в колонии начали действовать Законодательный Совет и общественные службы, размеры освоенных земель при нем существенно расширились, а экономика успешно развивалась. Будучи настоящим ученым он, конечно, не мог оставить науку и уделял ей много времени. Но он упорно стремился наладить благополучную и спокойную жизнь жителей Нового Южного Уэльса и во многом преуспел в этом. В Австралии его именем названы столица штата Квинсленд, пресное озеро (Brisbane Water), многочисленные улицы и площади в Сиднее и других городах.

Седьмой губернатор Ральф Дарлинг – жестокий и нетерпимый генерал (1825-1831)

Он был дисциплинированным штабным военным, привыкшим отдавать приказы и требовавшим их неукоснительного выполнения. Он сумел реформировать общественные службы колонии, привел в порядок ее финансовую систему, успешно воспользовался шерстяным бумом, чтобы увеличить доходы колонии и даже сумел обойтись без дополнительных налогов. В то же время он был жесток к заключенным и собственным солдатам. Он был весьма консервативным и всячески противился популярным либеральным реформам, за что снискал себе недобрую славу тирана.

Ральф Дарлинг родился в 1775 году в семье английского офицера и был старшим из трех сыновей, каждый из которых сделал успешную военную карьеру. Ральф ушел в армию в 18 лет и присоединился к полку своего отца. Девять лет он прослужил в Вест Индии, исполняя должности секретаря у различных командиров, и быстро продвигался по служебной лестнице. Всего в 26 лет (!) Дарлинг получает чин подполковника. Затем двенадцать лет он служил в штабе Королевской конной гвардии, патроном которой являлся герцог Веллингтон. В эти годы у него был небольшой перерыв в штабной службе, когда он участвовал в военных кампаниях против наполеоновских войск в Испании и Нидерландах и проявил себя храбрым и умелым офицером. В 1818 году его, уже генерал-майора, назначают командиром военных соединений на острове Маврикий. Здесь Дарлинг провел пять лет, из которых 1,5 года замещал губернатора. Он безжалостно боролся с работоторговцами, пытавшимися использовать остров как перевалочную базу, и преследовал местную прессу, которая действовала не в интересах правительства и населения, а наживала капитал, главным образом, на сплетнях и скандалах. Он даже закрыл несколько газет. Безупречная военная карьера послужила основанием для его назначения в 1825 году губернатором колонии Новый Южный Уэльс. К этому времени полностью сложился его характер военного человека, признающего лишь суровую дисциплину и иерархическое общество, в котором одни отдают приказы, а другие обязаны беспрекословно выполнять их.

Пятидесятилетний суровый генерал-лейтенант с высоким покатым лбом и холодными голубыми глазами появился в Сиднее с женой, дочерью и сыном в конце 1825 года. По дороге он сделал остановку в Хобарте, где огласил указ Георга IV о том, что Земля Ван-Димена (Тасмания) с ее 14-тысячным населением отныне является самостоятельной колонией. Правда, за ним сохранили управление обеими колониями.

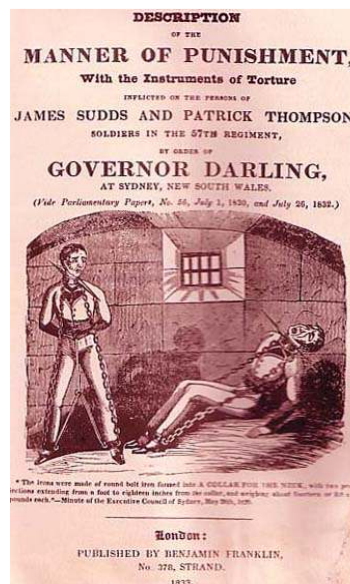
Вступив в новую должность, он первым делом учредил Исполнительный Совет. Затем он провел строгую ревизию деятельности всех общественных офисов. При этом, по свидетельству современников, он, напроочь лишенный представления о компромиссе, не стеснялся *“наступать на важные мозоли”* и начал плодить недругов. В их числе оказались и члены Законодательного Совета – скандальный и влиятельный богач Джон Макартур и Верховный судья Френсис Форбс. А консервативные взгляды Дарлинга быстро сделали его объектом острой критики

свободной прессы, с которой он пытался поступить так же, как на острове Маврикий. Инцидент, произошедший в первый год правления седьмого губернатора, дал возможность газетам “*Australian*” и “*Monitor*” обрушиться на него с невероятно суровой критикой.

Два солдата Джозеф Садс и Патрик Томпсон, пытаюсь отделаться от невыносимо тяжелой военной службы, открыто имитировали кражу в одном из магазинов Сиднея. Дарлинг решил примерно наказать их, чтобы пресечь подобные попытки. Солдаты были приговорены к семилетнему заключению здесь же, в колонии. А губернатор распорядился также провести их, одетых в тюремные одежды, сквозь строй с железным ошейником, соединенным цепями с ножными кандалами. После этой процедуры несчастных солдат бросили в тюремную камеру. Больной Садс не перенес наказания и умер через 5 дней. Пытаясь как-то справиться с наседавшими на него свободными газетами, Дарлинг предложил Исполнительному и Законодательному Советам на утверждение два билля: о необходимости для всех газет получать лицензию и о налоге, который они должны были платить в казну за свои издания. Оба они были отвергнуты, так как судья Ф. Форбс посчитал их противоречащими английским законам.

Губернатор создал Земельный Совет и поручил ему оценивать земли для продажи населению. Площадь под заселение простиралась с севера на юг от Ньюкасла до залива Бэтменс и была ограничена на западе рекой Лахлан. Земель было достаточно, но он стал ждать инструкций из Лондона. Это вызвало недовольство свободных поселенцев, но, к счастью для Дарлинга, оно было обращено не на него, а на правительство Британии. Там не стали настаивать на продаже земель, и губернатору пришлось вернуться к раздаче грантов. Но его распоряжение об использовании незанятых земель для выпаса скота за плату больно ударило по мелким фермерам. Финансовое состояние колонии было не блестящим. Валюта практически не поступала в колонию. Тогда Дарлинг настоял на том, чтобы банки установили строгий контроль перед выдачей займов, добился полного сбора налогов и, несмотря на три засушливых года, удвоил доходы колонии.

При Дарлинге возобновилась высылка заключенных на остров Норфолк, затерянный в Тихом океане. Далекое поселение, основанное когда-то Филипом Г. Кингом, было полностью разрушено. Это не смутило губернатора, который писал Секретарю по делам колоний: “*Моя цель сделать это поселение местом строжайшего наказания, близкого к смертельному концу*”. И он добился этого. Дарлинг приказал вывезти с острова всех женщин, что усилило и без того гнетущую атмосферу и способствовало распространению гомосексуализма. Заключенных постоянно очень жестоко наказывали, пороли и сурово подавляли все бунты. Зачинщики отчаянного восстания, когда была сделана попытка захватить остров, были расстреляны. Многочисленные могилы погибших на этом страшном острове узников сохранились на местном кладбище.

Обложка книги, посвященной жестокости губернатора Дарлинга. Лондон, 1833 год

Остатки страшной тюрьмы на острове Норфолк – напоминают о суровом правлении губернатора Ральфа Дарлинга

Кроме того, при Дарлинге были введены ручные кандалы, соединявшиеся цепями с ножными, и он приобрел зловещую славу жестокого тирана.

В 1829 году губернатор провел ревизию заселенной земли и разделил ее на 19 административных округов. Впервые появилось четкое представление о том, где и сколько живет народа.

В годы правления Дарлинга в колонии появились люди, не желавшие ни получать земельные гранты, ни покупать землю. Они незаконно селились в буше, возделывали небольшие участки и держали совсем немного скота. Их называли скваттерами. Некоторые из них были связаны с бушрейнджерами – скрывающимися в буше разбойниками. Дарлинг не мог справиться с этими нарушителями закона. Колония была велика, а полиция весьма малочислена.

Необходимость исследовать отдаленные территории побуждала губернатора поддерживать далекие экспедиции. Одна из них под руководством ботаника Аллана Каннингэма в 1827 году, пройдя 450 км на север вдоль западных склонов Великого Водораздельного Хребта, достигла обширного холмистого пространства, пригодного для успешного земледелия. Эти земли, названные Каннингэмом “Darling Downes”, сейчас известны как житница штата Квинсленд. Затем эта партия исследователей нашла проход через горы к заливу Моретон (сегодня здесь расположился город Брисбен), и тогда на север устремились новые поселенцы и первым делом скваттеры.

А через два года экспедиция, руководимая военным офицером Чарльзом Стёртом, отправилась на поиски мифического внутреннего моря. Подозрение о его существовании было высказано еще капитаном Флиндерсом, впервые в 1801-02 годах обогнувшим на корабле Австралию. Пешком и на лодках партия Стёрта изучила речную систему Муррей-Дарлинг, признали исследованные земли пригодными для поселения колонистов и открыли дорогу в южную Австралию. А несуществующего внутреннего моря, конечно, не нашли.

Правление Дарлинга сопровождалось его постоянными ссорами с Верховным судьей колонии Форбсом. Последний настаивал на полной независимости судов от власти губернатора и выступал против многих авторитарных его решений. Они жаловались друг на друга в Лондон, пока новый Государственный Секретарь по делам колоний Сэр Джордж Муррей не потребовал от них работать в согласии, пригрозив отозвать обоих. Дарлинг прекратил жаловаться, но был уверен в своей правоте. Он продолжал править достаточно жестко и невзирая на лица. Еще в годы правления губернатора Брисбена одним из самых преуспевающих чиновников стал глава Морского офиса и председатель банка Нового Южного Уэльса Джон Пайпер, вила которого “Генриетта” была

центром социальной жизни Сиднея. Этот безалаберный “Принц Австралии” запустил дела и в офисе и в банке. Поняв, что они пришли в полный хаос, Дарлинг распорядился провести строгую ревизию, которая выявила банкротство Пайпера. Он покинул свои посты, разорился и даже пытался утопиться.

Сильная анти-губернаторская партия, возглавляемая эмансипистами Уильямом Вентвортсом, Джозефом Хьюмом и Морисом О’Коннелом, используя свои газеты, непрерывно атаковала Дарлинга, обвиняя его в деспотизме.

Постепенно Новый Южный Уэльс начинал превращаться из места ссылки преступников в колонию свободных поселенцев. А Дарлинг, который несомненно был способным администратором, своими холодными и презрительными манерами отталкивал окружающих. Он не замечал начавшихся изменений в Британии, где правительство стало понимать преимущества свободного общества и становилось более либеральным. Королевский акт 1828 года (Australian Courts Act) поставил выборный Законодательный Совет над губернатором и характер общества в колонии должен был измениться. Это понимали критики губернатора, но не понимал он сам, хотя знал о жалобах на него в Палату Общин Британского парламента.

И 1831 году Государственный Секретарь по делам войны и колоний виконт Годерих отозвал губернатора Ральфа Дарлинга с его поста. 19 октября около 4000 гостей шумно отпраздновали смещение губернатора в имени Вентвортсов “Воклюз”. А через три дня газета “Monitor” объявила: “Он ушел! Правление террора кончилось!” . В этот же день Дарлинг с семьей отплыл в Англию. Он продолжил службу, через 10 лет получил рыцарское звание и был произведен в полные генералы. Сэр Ральф Дарлинг умер в Брайтоне 2-го апреля 1858 года.

Имение “Воклюз”, где торжественно отметили смещение Дарлинга

В целом при правлении Дарлинга колония развивалась довольно успешно. И это было отмечено в благодарственном адресе, подписанном 72 уважаемыми жителями колонии: членами магистрата, священниками, помещиками и торговцами. Большую симпатию они высказали и его жене за ее доброжелательность и гостеприимство. Однако суровый, лишенный чувства юмора, мало привлекательный Ральф Дарлинг не нашел в колонии друзей. Тем не менее, его имя прочно вошло в историю штата Новый Южный Уэльс. Этим именем также названы крупная река, остров, хребет, мысы и многочисленные улицы. А одним из самых привлекательных мест Сиднея является знаменитая гавань Darling Harbour, привлекающая толпы туристов. И нужно признать, что, несмотря на весь консерватизм и излишнюю жесткость Дарлинга, особенно к заключенным, достигнутый при нем экономический рост колонии сделал возможным быстрый переход колонии к свободному поселению.

Восьмой губернатор Ричард Бурк - генерал, проводивший либеральные реформы (1831-1837)

Правление Бурка, сменившего губернатора Дарлинга, положило начало крупным изменениям в жизни колонии Новый Южный Уэльс. Будучи либералом, он поддерживал принципы самоуправления колонии, и обеспечил гражданские права всем ее свободным жителям. При нем система земельных грантов была заменена продажей земель, являвшихся собственностью Короны. Он добивался гуманного отношения к заключенным и всегда поддерживал церкви всех направлений. При нем колония экономически окрепла, стала привлекательна для иммигрантов и резко увеличила свое население.

Ричард Бурк родился в 1777 году в Дублине в семье ирландских землевладельцев. Школьное образование он приобрел в лондонском Вестминстере, после чего отправился повышать свои знания в Оксфорд, где получил диплом адвоката. Война с Францией заставила молодого патриота вступить в армию. В своей первой битве в Голландии он получил пулевое ранение в челюсть, боли от которого он испытывал всю оставшуюся жизнь. В 1800 году Бурк женится на Элизабет Джейн Бёрк и вскоре поступает в Королевский военный колледж. А через четыре года Бурк, проявивший недюжинные способности, уже сам руководит подготовкой юных кадетов. Затем он служит сначала в Южной Америке, затем воюет в Португалии и быстро продвигается по служебной лестнице. Но из-за заболевания жены он, уже полковник, уходит в отставку на половинное жалование и в 1815 году отправляется с ней и детьми в свое ирландское поместье. Здесь Бурк не только ведет жизнь сельского джентльмена, но и достойно проявляет себя как мировой судья. Затем его посылают в южно-африканскую английскую колонию Мыса Доброй Надежды, где он в 1826-28 годах успешно служит исполняющим обязанности губернатора. После возвращения в родной дом, 53-х летний генерал-майор Ричард Бурк получает назначение на пост губернатора колонии Новый Южный Уэльс.

Бурк прибывает с семьей в Сидней 2 декабря 1831 года. Он был тепло встречен администрацией колонии и ее жителями. И вскоре все поняли, что этот гуманный и справедливый человек, наделенный большим шармом, мог быть твердым, а временами и очень упрямым. В первые месяцы жизни семьи Бурка в колонии произошла трагедия. Умерла жена губернатора Элизабет, оставив ему двух сыновей и трех дочерей. Безутешный Ричард похоронил ее в Парраматте и пытался облегчить свое горе, совершая в одиночку длительные верховые поездки по колонии, что беспокоило его сына Дика и незамужнюю дочь Энн, живших с отцом в Австралии.

Бурк сменил непопулярного губернатора Ральфа Дарлинга, который тем не менее оставил ему колонию в удовлетворительном экономическом состоянии. Будучи либералом и принадлежа к партии вигов, Бурк полагал, что жителям колонии нужно дать больше прав и свобод, как политических, так и религиозных. Он не препятствовал свободе собраний и прессы. При нем начала выходить газета *The Sydney Herald* (ныне популярная *The Sydney Morning Herald*).

Бурк приступил к осуществлению своих реформ, которые далеко не всем понравились. Губернатор предложил принять акт, ограничивающий наказание заключенных пятьюдесятью ударами плетей. Это привело в негодование судей и особенно землевладельцев, на которых эти заключенные трудились как рабы, и они отправили в Лондон петицию, предупреждающую правительство, что такое “попустительство” может привести к беспорядкам в колонии. Но Бурк продолжал гнуть свою линию и провел через Законодательный Совет билль, предусматривающий суд присяжных при рассмотрении криминальных преступлений. Затем он ограничил число заключенных, которые могли трудиться на одного хозяина, до семидесяти. Губернатор ввел также мало популярное правило *terra nullius*, по которому ни аборигены, ни поселенцы не могли вступать в право владения землей, без разрешения правительства, ибо вся земля колонии принадлежит Короне. Бесплатная раздача земель (дарение) была заменена продажей на аукционах по 5 шиллингов за акр. Он настаивал на прекращении транспортировки заключенных в Новый Южный Уэльс, и, хотя Лондон пошел на это только в 1840 году, вклад в это решение Ричарда Бурка несомненен. Понятно, что все подобные действия губернатора не вызывали восторга у богатых землевладельцев. Но это привело к притоку свободных иммигрантов из Британии.

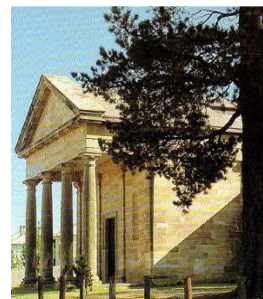
К аборигенам Бурк старался относиться гуманно. Он пытался использовать ежегодные праздники в Парраматте для сближения местной и британской культур, но эта его попытка была обречена на неудачу. Жившие вокруг аборигены страдали от незнакомой диеты, особенно от муки и сахара и пристрастились к алкоголю.

Бурк существенно увеличил расходы на образование, и здесь он столкнулся с недовольством англиканских священников, которые настаивали на том, чтобы все школы находились под крылом Англиканской Церкви. Губернатору предстояло еще одно непростое решение, и он смело взялся на него, отменив господствующее положение Англиканской Церкви в колонии, объявив, что все религиозные сообщества должны иметь равные права. Другим прогрессивным начинанием Бурка стало регулярное обнародование данных о доходах и расходах колонии. Все эти новшества способствовали популярности губернатора среди простых колонистов и освободившихся заключенных.

При нем начала действовать программа систематических исследований колонии, и Главный топограф Томас Митчелл открывает новые плодородные земли в низовьях рек Муррей и Дарлинг.

Население колонии быстро росло и одновременно шли изменения в жизни местного общества. В доме Секретаря колонии Александра Маклея (этот ученый был в Англии секретарем Линнеевского общества и членом Королевского общества) регулярно собирались наиболее образованные люди Сиднея для обсуждения проблем естествознания. Было также образовано филармоническое общество, открылись профессиональные театры.

С приходом в колонию талантливых архитекторов Мортимера Льюиса и Джона Верджа здесь начали строиться красивые каменные здания и мосты. По проекту М.Льюиса начало возводиться внушительное здание суда в Дарлингхерст (в центре Сиднея) и построены торжественные, как греческие храмы, здания судов в небольших городках Беррима и Хартлей. Д. Вердж строил красивые виллы для наиболее зажиточных и знатных жителей колонии, желающих иметь дома в так называемом “английском стиле”, на обращенных к заливу

*Здание суда в Беррима.
Архитектор М. Льюис*

живописных местах.

Elizabeth Bay House – дом известного ученого и Секретаря колонии А. Маклея и имение богатого землевладельца Дж. Макартюра “Camden Park”, построенные по проектам Д. Верджа

Прибывший в начале 1836 года в Сидней на корабле “Бигль” Чарльз Дарвин оставил такую запись в своем дневнике: *“Вечером я прошелся по городу и вернулся в полном восторге от всего, что видел. То было самое великолепное доказательство способностей британской нации. Здесь, в стране, подававшей мало надежд, за несколько десятков лет сделано больше, чем за столько же столетий в Южной Америке. В первый момент мне захотелось поздравить себя с тем, что я родился англичанином”*.

Стремясь к более демократичному управлению колонией, Бурк послал депешу Секретарю по делам войны и колоний Лорду Глэнелгу с предложением увеличить число членов Исполнительного Совета до 36 человек, из которых 2/3 должны избираться колонистами.

Используя свой опыт управления колонией в Южной Африке, Бурк и здесь всячески поддерживал овцеводство. Ему было разрешено ввести систему лицензий, позволяющую любому поселенцу за 10 фунтов в год пасти свои стада на государственных землях. Этим Бурк также успешно боролся со скваттерством (незаконным захватом земель). А за годы его правления скваттеры переправлялись из Земли Ван Диемена (Тасмании) через пролив Басса и нелегально расселялись вокруг залива Порт Филлип и по берегам реки Ярры (на территории нынешней столицы штата Виктория). Они даже покупали землю у местных аборигенов. Во главе этой группы стоял предприимчивый фермер Джон Бэтмен. Объявив эти действия незаконными, Бурк в сентябре 1835 года послал туда капитана У. Лонсдейла установить контроль над новым поселением и исполнять обязанности судьи. Когда губернатор сам посетил это место через полтора года, он нашел там около 500 поселенцев и около 100 000 овец. Этот растущий поселок Бурк назвал именем премьер-министра Британии Лорда Мельбурна.

Иммигранты, прибывающие из Англии и желающие разводить овец, устремлялись на земли, расположенные к западу от Мельбурна. Так было положено начало образованию новой колонии – Южной Австралии, которая сразу была местом жизни только свободных мигрантов, куда никогда не привозили заключенных.

Все 6 лет жизни в колонии Бурку приходилось бороться с богачами из партии исключительных (exclusives). Он чувствовал себя одиноким и уставшим: Дик уехал в Лондон, а Энн вышла замуж и губернаторский дом опустел.

Последние месяцы правления Бурка были омрачены ссорой с казначеем колонии Кэмпбеллом Д. Риддэлем, нечестным и вздорным человеком, который хотел стать мировым судьей. Но Бурк отказал ему в этом и решил вывести

недоброжелательного чиновника из состава Исполнительного Совета колонии. Он написал Лорду Глэнелгу, что Риддэлл постоянно находился в оппозиции губернатору, и он больше не может заседать в Совете вместе с этим человеком. Глэнелг тем не менее решил, что Риддэлл должен оставаться на своем месте. Такое уклончивое решение заставило Бурка подать прошение об отставке 30 января 1837 года. Но покинуть колонию он смог только в декабре того же года. В своей родной Ирландии Бурк вел жизнь сельского джентльмена и готовил к изданию 4 тома своей “Bourke’s Correspondence”, которые вышли в свет в 1844 году. В 1850 году его производят в полные генералы.

Умер Ричард Бурк внезапно 12 августа 1855 года .

Через 5 лет после того как Бурк покинул колонию, в центре Сиднея перед входом в библиотеку Митчелла по подписке был воздвигнут бронзовый монумент этому губернатору - самому популярному из ранних правителей колонии. Деньги на этот памятник вносили не только состоятельные жители, но и простые люди. И хотя реформы Бурка часто наталкивались на упорное сопротивление разбогатевших землевладельцев и критику подвластной им прессы, время начало ставить все на свои места. В длинной надписи на постаменте, перечисляющей заслуги губернатора, особо подчеркивается, что “он смог установить религиозное равенство и обеспечил для всех без отличий систему равного образования”.

Монумент Р.Бурку (скульптор Е.Н. Vaily) благодарные жители Сиднея установили на высоком гранитном постаменте

Ричарда Бурка не зря называют великим губернатором. За 7 лет его правления в колонии не только удвоилось ее население, но и утроились доходы. Импорт возрос в три раза, а экспорт в пять с половиной. Большинство жителей получило возможность трудиться себе во благо, получать образование и исповедовать свою религию. Ричард Бурк по праву снискал уважение и любовь большинства жителей колонии.

По всей Австралии о восьмом губернаторе колонии Новый Южный Уэльс напоминают многочисленные площади, дороги, улицы Бурка и небольшой город Бурк на северо-западе штата Новый Южный Уэльс. В Мельбурне его имя носит самая оживленная торговая улица.

Девятый губернатор Сэр Джордж Гиппс (1838-1846) – непреклонный офицер, преодолевший трудности

Он был интеллигентным, очень проницательным, трудолюбивым и способным офицером. Во время его губернаторства в жизни колонии Новый Южный Уэльс и Новой Зеландии, входившей в ее состав, произошли огромные изменения. Законодательная власть наконец стала выборной, было решено прекратить транспортировку заключенных в колонию, скваттерам было позволено выкупить захваченные ими земли. Несмотря на страшную пятилетнюю засуху, а также на прекращение финансирования колонии в связи с остановкой транспортировки новых заключенных, он сумел пройти через годы депрессии, не обременив колонию долгами.

“Весь мой служебный опыт подсказывает , что на Даунинг Стрит губернатор, который управляет колоний без долгов, почитается лучшим ”.
Сэр Гиппс . Из письма Ла Тробу. 1843.

Джордж Гиппс родился в 1791 году в Кенте в семье священника. После окончания школы в Кентербери он поступает в Королевскую Военную Академию в Вулвиче, где получает диплом Королевского Инженера. С 1809 по 1814 год молодой Гиппс участвовал в войне с наполеоновскими войсками на Пиренейском полуострове, был ранен и дослужился до звания капитана. Затем он служил в армии герцога Веллингтона, разгромившей Наполеона в битве при Ватерлоо. В двадцатых годах Гиппса направляют служить в Западную Индию, где он зарекомендовал себя способным администратором. Его толковые доклады весьма впечатляли чиновников Департамента по делам колоний в Лондоне. В 1830 году Гиппс женился на Элизабет, дочери генерала Джорджа Рамсея. В 1834 году он становится секретарем Лорда Окленда, первого лорда Адмиралтейства. Два года он провел в Канаде в составе специальной комиссии герцога Госфорда, призванной разобраться в разногласиях тамошнего губернатора и Законодательного Совета. Меморандумы Гиппса, включенные в доклады Госфорда в Палату Общин, характеризуют его как либерала. Он получает чин майора, производится в рыцари, а конце 1837 года назначается на должность губернатора колонии Новый Южный Уэльс. Гиппс не был богат, не имел влиятельных связей и был обязан своим назначением на столь высокую должность лишь собственными достоинствами, в первую очередь уму и сильному характеру.

Жарким днем 24 февраля 1838 года Джордж Гиппс с женой и сыном прибыли в Сидней. Новый губернатор появился на австралийской земле в нелегкое время, когда на нее обрушилась страшная засуха 1837-1842 годов. К тому же первый год его правления был омрачен резней, которую учинили скваттеры на юге колонии (к востоку от нынешнего Мельбурна). И хотя семь белых зачинщиков были повешены, это не остановило истребление аборигенов племени Курнэй. Стычки с аборигенами на юге колонии беспокоили Гиппса. Управлять этим удаленным от Сиднея и беспокойным районом стало намного легче после назначения туда суперинтендантом честного и решительного чиновника Чарльза Ла Троба. Он и Гиппс сразу стали близкими друзьями.

С самого начала своего пребывания на посту губернатора Гиппс понял, что ему потребуется немало выдержки и большого дипломатического умения, поскольку он оказался в сложном положении слуги двух господ: Короны и колонии. С одной стороны он должен был печься об интересах Королевской власти, с другой - способствовать процветанию колонии. Тут требовалось быть дипломатом. Так, в конце 1838 года цена на землю в колонии составляла 12 шиллингов за акр. Но, когда Лондон потребовал установить фиксированную цену на землю в районе залива Порт Филлип в один фунт, он смог вскоре уговорить Уайтхолл отменить это вредное решение, которое взбудоражило колонистов, и вернуться к продаже земель на аукционах.

У Гиппса с самого начала возникли трудности с членами Законодательного совета, хоть он и старался наладить хорошие отношения с ними. Среди этих людей преобладали богатые землевладельцы, преследовавшие свои выгоды. Так возник конфликт Гиппса с самым влиятельным членом Законодательного Совета Уильямом Вентвортсом, которому губернатор отказался продать Южный остров Новой Зеландии. Тот сразу же объявил Гиппса *“врагом номер один”*. Ничего не изменилось и после вошедшего в силу Имперского акта 1842 года, предписывающего выбирать 2/3 Совета из числа колонистов. В него опять вошли богачи и их друзья, постоянно находившиеся в оппозиции к губернатору. Забот ему добавляли и шесть членов Совета от района Порт Филлип. Они настаивали на отделении от Нового Южного Уэльса. Далекий путь до Сиднея не позволял им присутствовать на большинстве заседаний. Кроме того, сюда направляли очень мало заключенных, бесплатный труд которых, естественно, прельщал местных землевладельцев. Экономически этот район развивался весьма успешно, здесь даже был открыт собственный банк. Но блестящий оратор, обладающий даром убеждения, Гиппс все свое правление успешно противился этим сепаратистским настроениям. И хотя губернатор и защищал интересы империи, он тем не менее разрешил скваттерам выкупать свои поместья. Когда же в 1841 году Лондон объявил об отделении Новой Зеландии от Нового Южного Уэльса и создании там самостоятельной колонии, Гиппс воспринял это известие с облегчением. В том же году он решительно пресек зарождение рабочего движения в колонии, не допустив создания Совета рабочих и сурово подавил бунт работниц женской фабрики в Парраматте, когда было арестовано 80 женщин.

В 1841 году Джон Фейрфакс и Чарльз Кемп купили газету *“Sydney Herald”*, переименовав ее вскоре во влиятельную *“Sydney Morning Herald”*, что положило начало рождению влиятельной династии медиамагнатов Фейрфакс.

При Гиппсе развернула свою активную деятельность вошедшая в историю как *“друг иммигрантов”* знаменитая Каролина Чисхолм. Она помогла тысячам иммигрантов найти работу, сама сопровождала партии девушек и устраивала их жизнь в далеких поселениях. Согласившись с ее доводами, губернатор приказал построить здание *“Женского иммигрантского дома”*. Губернатор также уделял большое внимание образованию, упорно отстаивая систему публичных школ, чему противились служители церкви.

Морская связь между Уайтхоллом и Сиднеем в те годы оставалась медленной и ненадежной и губернатору приходилось принимать самостоятельные решения, иногда противоречащие запаздывающим инструкциям из Лондона.

Гиппс был горячим сторонником свободной иммиграции в колонию, но противился приезду сюда дешевых работников из Индии и Китая. А его постоянные обращения к имперскому правительству с просьбами о прекращении транспортировки заключенных, что вполне отвечало настроениям Уайтхолла,

вызывало недовольство свободных колонистов. Губернатор хорошо знал о тяжелой жизни узников на находившемся в его подчинении далеком острове Норфолк. Поэтому он добился назначения суперинтендантом острова либерально настроенного капитана Александра Маконохи и поддерживал предложения того ввести для заключенных систему пойнтов за хорошие труд и поведение. 1000 пойнтов давала право на досрочное освобождение. Гиппс смог посетить остров только в 1843 году и был удовлетворен порядком и результатами частично начавшей действовать системы Маконохи. Но на его настойчивые просьбы принять положительное решение относительно этой системы Лондон ответил отказом, а сам А. Маконохи покинул остров через год после посещения его Гиппсом.

Что же касается прекращения транспортировки в колонию заключенных, то решение об этом, наконец, было принято Советом юной королевы Виктории 22 мая 1840 года. Но окончательно эта транспортировка прекратилось только через несколько лет.

В 1844 году Гиппс решил ввести новые правила землевладения. На каждый участок площадью не более 52 квадратных километров, способный прокормить 4000 овец или 500 голов крупного рогатого скота, необходимо было ежегодно покупать лицензию за 10 фунтов. Это вызвало бурю возмущений, особенно среди скваттеров. Газеты обрушились на губернатора с обвинениями, что он совсем не заботится о интересах жителей колонии. Проходили шумные митинги, на которых скваттеров поддерживала Сельскохозяйственная ассоциация. Ситуация усугублялась экономической депрессией и Гиппс отложил введение правил на 15 месяцев. В конечном счете, уже после отъезда Гиппса из колонии, Лондон пошел навстречу многочисленным петициям землевладельцев колонии и в Имперском акте 1846 года сделал им многочисленные уступки. Экономике колонии удалось

Бронзовый памятник Томасу Морту работы Р. Connolly установлен жителями Сиднея по подписке в 1885 году

оправиться, и войти в период своего процветания ”на спинах овец”, за счет резкого увеличения экспорта шерсти. В 1843 году замечательный предприниматель Томас Морт положил начало проведению шерстяных аукционов и начал строить огромные склады для шерсти. Он завозил из Англии породистых коров и семена трав и стал основателем молочной промышленности, а его долгие усилия в создании морозильных установок позволили начать экспорт мяса в метрополию. Гиппс всячески поддерживал экспедиции в еще мало изученные австралийские земли. В 1839 году прибывшие в колонию шотландцы под водительством Ангуса МакМиллана прошли через холмистые плодородные территории к

востоку от Порт Филлипа (Мельбурна) и назвали их Австралийской Каледонией. Через год эти области исследовал польский путешественник Павел Стрелецкий. Не зная о походе шотландцев, он дал этой территории название “Gippsland” в честь губернатора Гиппса. А высшую точку Австралийских Альп (Снежных гор) высотой 2230 метров он назвал именем лидера польского демократического движения Тадеуша Костюшко. С 1839 по 1844 год Эдвард Дж. Эйр в поисках новых пастбищ исследовал земли к северу от нынешней Аделаиды и на полуострове, ныне носящем его имя. Здесь уже имелись фермы первых свободных мигрантов, никогда не пользовавшихся трудом заключенных. Один из них в 1843 году даже создал машину для механического сбора пшеницы, что сильно облегчило труд землепашцев. В 1839 году к ним присоединились первые иммигранты из Германии, основавшие городок Barossa Valley и положившие

начало знаменитому виноделию Южной Австралии. Большую научную ценность имели путешествия Чарльза Стёрта из Аделаиды до пустыни Симпсона в центре австралийского континента. А в 1844-45 годах экспедиция Людвига Лейкхарда, двигаясь на северо-запад и преодолев 5000 км от поселка Jimbour (северо-восточнее нынешнего Брисбена) достигла залива Карпентария близ современного Дарвина.

Население колонии увеличилось с начала правления Гиппса к концу 1845 года почти вдвое. В ее облике также происходили существенные изменения. В 1841 году в Сиднее появилось газовое освещение. Строились большие каменные здания. И среди них выросли великолепный новый губернаторский дом (Government House) на территории Ботанических садов, здания Верховного суда и тюрьмы в центре города (Darlinghurst), знаменитые военные бараки (Victoria Barracks), церкви, отель и роскошные виллы.

В этот новый губернаторский дом (арх. Э. Блор) Гиппс въехал в 1845 году. Здание до сих пор используется как дом приемов и музей. Справа - здание суда (1844, арх.М. Льюис)

Все 8 лет, когда Гиппс управлял колонией, газеты постоянно атаковали его. Они всегда поддерживали Исполнительный и Законодательный Советы, которые противились стремлению губернатора установить в колонии строгий финансовый контроль. Его открыто обвиняли в преклонении Короне, а за несколько дней до того, как он навсегда покинул Сидней, газета "Sydney Morning Herald" язвительно назвала его самым плохим губернатором за всю историю колонии.

Здоровье Гиппса, страдавшего от астмы и малярии, было сильно подорвано, и он отплыл в Англию в середине июля 1846 года, передав свои полномочия генерал-лейтенанту М.О'Коннелу.

Полковник Сэр Джордж Гиппс умер всего через год после возвращения на родину.

Правление Гиппса было достаточно трудным. Он был первым губернатором, пытавшимся собирать налоги со скваттеров и легальных землевладельцев. Он также стремился навести строгий порядок в землепользовании. Поселенцы далекого района Порт Филлип создавали ему массу проблем своими сепаратистскими настроениями и преследованиями аборигенов. На годы его губернаторства пришлась жестокая засуха, вызвавшая экономическую депрессию. И, тем не менее, ему удалось оставить динамично развивающуюся колонию, которая добилась значительных экономических успехов.

В Австралии его именем названы улицы и площади многих городов и целый район в штате Виктория – плодородный Gippsland.

Сэр Джордж Гиппс, 1846

Десятый губернатор – Сэр Чарльз Фицрой (1846-1855) – гуманный и миролюбивый аристократ, потерявший свое лицо

Его управление колонией совпало с периодом ее бурного развития. И во многом этому способствовало его умение поддерживать мир и порядок среди ее жителей. Этот аристократ, обладавший большими связями в высшем обществе Англии, в отличие от многих своих предшественников, часто пользовался поддержкой правительства. Он был добродушным, общительным и вежливым человеком, сумевшим снять напряжение в обществе и покончить с разногласиями, существовавшими между его разными группировками. Он стал первым “Генерал-губернатором австралийских владений Ее Величества”, управлявшим четырьмя самостоятельными колониями. В то же время он был ленив и мало заботился о мнении окружающих.

Чарльз Август Фитцрой родился 10 июня 1796 года в аристократической семье генерала Лорда Чарльза Фитцроя и был потомком герцогов Грэфтонов. Юноше была уготована военная карьера, и в 16 лет он уже служил в Кавалерийской гвардии. В 1815 году он участвовал в разгроме Наполеона при Ватерлоо, где был ранен. В 1820 году Фитцрой получает чин капитана и тогда же женится на леди Мэри Леннокс из рода герцогов Ричмондских. И хотя Мэри была на 6 лет старше своего супруга, это не мешало их счастливому браку. Через 4 года наш герой, уже подполковник и избирается в Палату Общин британского парламента. В возрасте 37 лет он вышел в отставку, покинул парламент и зажил в свое удовольствие, в то время как его влиятельные родственники подыскивали ему подходящий пост. Таковым оказалось место лейтенант-губернатора острова Принца Эдварда в заливе Св. Лаврентия, который был тогда центром британской морской провинции на юго-востоке Канады. Его успешная служба здесь закончилась присвоением рыцарского звания, и в 1844 году он уже губернатор другой британской колонии на островах Ливард на востоке Карибского моря. И за время службы в этих колониях его такт и выдержка вызвали уважение как среди местной администрации, так и в Лондоне.

В 1845 году Секретарь по делам колоний Лорд Стэнли предлагает ему стать губернатором Нового Южного Уэльса. Правда он лично не был высокого мнения об Фитцрое, отмечая его пренебрежение к инструкциям Лондона, но, вероятно, тут сыграли роль высокие покровители и происхождение этого офицера.

Как бы то ни было, 2 августа 1846 года на берег Сиднея сошел живой, веселый, сердечный 50-летний подполковник со своей красавицей женой и вторым сыном, своим будущим личным секретарем. На следующий день Сэр Чарльз Фитцрой приступил к своим губернаторским обязанностям. Прежде всего ему предстояло наладить отношения со своей администрацией. При его предшественнике Джордже Гипсе они были натянутыми, чтобы не сказать враждебными. В своей первой смете он предусмотрел выделение дополнительных сумм для судей больших, чем это было предусмотрено в Имперском акте 1842 года. И хотя это поначалу привело в ужас чиновников в Лондоне, новый Секретарь по делам колоний герцог Грэй поддержал губернатора, а отношения Фитцроя с членами Исполнительного и Законодательного Советов стали почти дружескими. Уже через 2 месяца после прибытия в Сидней, губернатор без согласования с

Лондоном принял решение для облегчения положения землевладельцев. Он отменил выплату земельной ренты тем, кто платил ее уже 20 лет с возвратом лишних сумм, за периоды когда она повышалась, но затем снова дешевела. Это вызвало недовольство герцога Грэя, но он лишь отчитал Фитцроя.

Стараясь познакомиться с жизнью колонистов, новый губернатор совершил длительную поездку в западные овцеводческие районы. Он почти разбил свой экипаж, проехав в сопровождении жены, сына и Секретаря колонии Эдварда Томпсона 600 миль по плохим дорогам, и произвел самое хорошее впечатление на местных жителей своим вниманием к их нуждам и жалобам. Также доброжелательно отнеслись к нему и простые жители Сиднея, а его красивую и приветливую жену Мэри все просто полюбили. Эти супруги были постоянными участниками всех праздничных собраний, балов и обедов, посещали скачки и парусные гонки. В отличие от предшественников Фитцроя - и Гиппса и Дарлинга, ведших замкнутый образ жизни, веселый нрав и открытость нового губернатора и его жены были по душе австралийцам. У губернатора появились многочисленные друзья. Особенно он сошелся со своим школьным приятелем, а ныне Секретарем колонии Эдвардом Д. Томпсоном, в прошлом вечным оппонентом губернатора Гиппса. Теперь этот чиновник во всем поддерживал нового губернатора.

Несчастье произошло 7 декабря 1847 года. Фитцрой в сопровождении жены и лейтенанта Мастерса, своего адъютанта и друга, выехал в Сидней из своего губернаторского дома в Парраматте. В экипаж была впряжена четверка резвых лошадей, которыми управлял сам губернатор. Лошади понеслись быстрым галопом и на крутом повороте опрокинули карету. Леди Мэри и Мастерс погибли. Смерть миссис Фитцрой погрузила колонию в глубокую печаль, а сам Сэр Чарльз в отчаянии хотел покинуть Австралию. Но он остался здесь и шесть лет до самого отъезда в Англию вел жизнь вдовца. Однако, по колонии стали расползаться сплетни о невоздержанном пристрастии губернатора к хорошеньким женщинам. Фитцрой стал передоверять важные решения и переписку с Лондоном своим чиновникам. Репутация губернатора пошатнулась. Он стал подвергаться нападкам церкви и газет. Генри Паркес (будущий Премьер Нового Южного Уэльса) член Законодательного Совета колонии и издатель сиднейской газеты "Empire" сурово вопрошал: *"почему нельзя было найти в Австралии человека подобного калибра, который мог бы успешно действовать как губернатор?"*. Особенно резко его критиковал Преподобный Джон Д. Лэнг, сообщавший в Лондон о "подвигах" сэра Чарльза и его сыновей. Он писал, что из губернаторского дома распространяется тлетворное влияние, подрывающее моральные устои всего общества. К сожалению это мнение разделяла респектабельная часть среднего класса Австралии.

Но в 1851 году из Лондона пришло официальное сообщение, что Сэр Чарльз Фитцрой назначен Генерал-губернатором всех австралийских владений Ее Величества. Он получил этот пост поскольку Новый Южный Уэльс был самой старой и самой большой австралийской колонией, а лейтенант-губернаторы Виктории, Южной Австралии и Земли Ван Димена (Тасмания) подчинялись ему.

Колонии продолжали стремительно развиваться. Этому способствовало открытие золота в 1851 году. Когда незадолго до этого геолог-любитель, Преподобный У. Кларк показал губернатору Гиппсу найденные им куски кварца с золотом, тот посоветовал священнику *"спрятать их подальше, если он не хочет, что бы их обоих нашли с перерезанными глотками"*. Но все уже было не так при Фитцрое. Сначала золото было открыто Эдвардом Харгрейвсом к северу от Бэтурста в Новом Южном Уэльсе, а затем в Балларате в Виктории, где его вскоре стали добывать из коренных источников. Фитцрой, в отличие от Гиппса, просит

Лондон направить в колонию геологов и оповещает об открытии золота в Австралии через газеты. Началась золотая лихорадка, в колонию хлынули охотники за счастьем. Толпы людей стекались сюда со всего мира. Земли вокруг Балларата и Бендиго в Виктории были изрыты вдоль и поперек. На прииски устремились и жители уже ставшего большим городом Мельбурна и Сиднея. Закрывались мастерские и магазины. Работники уходили с ферм.

Добыча золота на ручье Forrester Creek. Гравюра, опубликованная в "Illustrated London News" в июле 1852 года

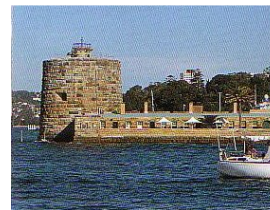
Вновь возникли дебаты о необходимости возобновить транспортировку заключенных, которых еще в 1849 году не давали выгружать с кораблей ни в Мельбурне, ни в Сиднее. Но самая отчаянная конфронтация между жителями и правительством в истории Австралийских колоний произошла в 1852 году. Тогда был опубликован специальный акт (Gold-fields Management Act), заставляющий горняков покупать лицензии на поиски и добычу золота. Это вызвало столкновения старателей с полицией. Но развитие золотодобывающей промышленности шло такими темпами, что уже в 1853 году экспорт золота дал большую прибыль чем экспорт шерсти.

В эти годы начали строиться железные дороги и плавать паровые суда. Появилась компания, перевозившая почту и пассажиров в кэбах, доставленных из Америки (American Telegraph Coach Line). Стала действовать первая телеграфная линия Melbourne-Williamstown. Развивалось почтовое сообщение, и уже в 1850 году была выпущена первая австралийская почтовая марка. Бурно расцветало строительство. В столице колонии появился музей, поднялись новые церкви, здание Казначейства, банки, отели. Началось сооружение университета Сиднея и полным ходом шло строительство огромного кафедрального собора Святого Андрея.

Слева – здание Казначейства (Treasury Building), 1849 год, арх. М. Льюис. Справа – Главное здание университета Сиднея, которое начали возводить в 1854 году, арх. Э.Блэкет

Начавшаяся в Европе Крымская война вызвала опасения, что у берегов Австралии могут появиться военные корабли России. И именно в Сиднее тогда стали строиться мощные фортификационные сооружения, а в центре входа в гавань был построен сохранившийся до наших дней форт Денисон.

Правление Чарльза Фитцроя сопровождалось исследованиями отдаленных территорий. Топографы и исследователи проникали далеко на север континента. Но две экспедиции закончились трагически. В 1848 году экспедиция Людвига Лейкхарда предприняла вторую попытку пересечь континент с востока на запад. Семь человек с 7 лошадьми, 20 мулами и 50 коровами и быками вышли из района Darling Downs (западнее Брисбена) и пропали. Экспедицией, отправленной на поиски, не было обнаружено никаких их следов. В том же году молодой отважный исследователь Эдмунд Кеннеди, изучавший восточное побережье мыса Cape York, был убит аборигенами.

Последние месяцы пребывания Генерал-губернатора Фитцроя на австралийской земле были омрачены событиями, вошедшими в историю страны как “Eureka Stockade”. Так назвали вооруженное восстание лишенных всяких прав горняков в Балларате на золотых полях Виктории в 1854 году, во время которого погибло 6 полицейских и 22 рабочих. И хотя оно потерпело поражение, в 1855 году дорогие горные лицензии были заменены документом “Miner’s Right” стоимостью всего один фунт в год и также давало его владельцу право участвовать в выборах.

В 1853-54 годах поведение Генерал-губернатора стало тревожить Лондон. Он интересовался лишь делами Нового Южного Уэльса и не проявлял ни энергии, ни ответственности, когда речь шла о других, недавно образованных колониях. К тому же он явно игнорировал указания герцога Грэя. В конце концов было решено заменить его лейтенант-губернатором Тасмании Сэром Уильямом Денисоном.

Под началом нового Генерал-губернатора оказалось уже 5 колоний, так как к уже существовавшим добавилась Западная Австралия. Фитцрой отплыл из Австралии в конце января 1855 года, за три дня до прибытия Денисона в Сидней. Он покидал ее берега с сожалением и просил, чтобы его назначили губернатором Виктории. Но Департамент по делам колоний ответил на эту просьбу молчанием. Через несколько месяцев после его прибытия в Англию пришло печальное известие о гибели любимого старшего сына Августа при осаде Севастополя во время Крымской войны. Фитцрой женился на вдове, вернувшейся на родину из Мельбурна.

Сэр Чарльз Фитцрой умер 16 февраля 1858 года в Пиккадили. Он сыграл немалую роль в истории Нового Южного Уэльса. Ему удалось установить мир в раздираемой противоречиями колонии, остановить самовольный захват земель, способствовать развитию зарождающейся промышленности и положить начало системе национального светского образования.

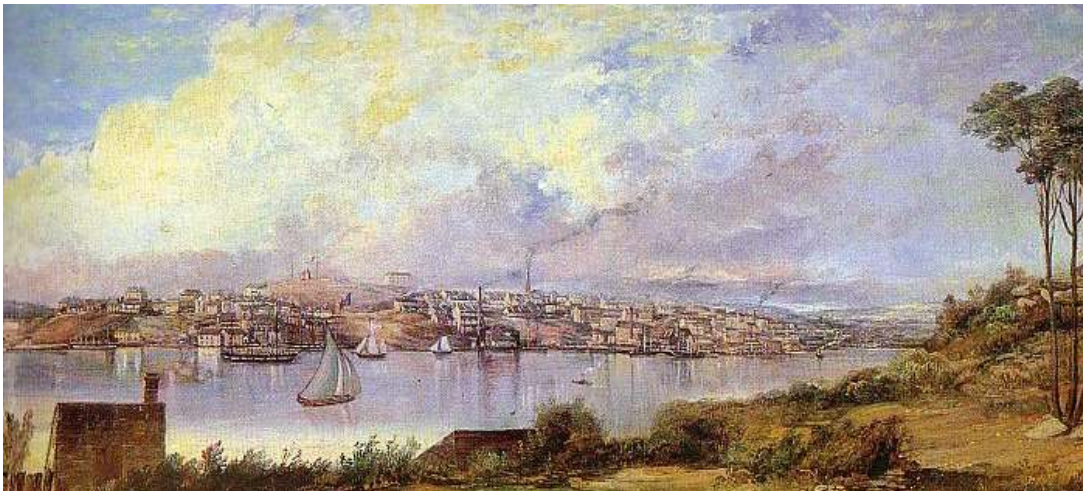
Австралия помнит своего первого Генерал-губернатора. Его именем на зеленом континенте названы реки, перевал и многочисленные площади и улицы городов. А в районе Сиднея Kings Cross расположен уютный парк Фитцроя с мемориальным фонтаном “Одуванчик” в память жертв Второй Мировой Войны.

* * *

В середине XIX века на территории Австралии проживало уже около 700 000 европейцев. И, хотя в прошлое уходило враждебное отношение к бывшим заключенным, новое общество оставалось достаточно разнородным и беспокойным. Его образовывали люди разного достатка, протестанты и католики, англичане и ирландцы. Они объединялись в сообщества, подозрительно относившиеся друг к другу. В основной своей массе общество оставалось невежественным, хотя губернаторы, понимая это, и пытались ввести систему светского образования. Но открытие университетов сначала в Сиднее, а затем в Мельбурне, появление музеев, театров и библиотек, создание первых научных обществ, издание газет – все это пробудило Австралию, которая до этого казалось ничем не интересуются кроме овечьей шерсти. Золотая лихорадка вызвала большие изменения в стране, обратившей внимание на необходимость развития промышленности. Когда-то сюда везли все, начиная от гвоздей и кирпичей и кончая тканями и посудой. Теперь же здесь начали строить паровые суда и прокладывать железные дороги. Маленькие поселения быстро превращались в городки, между которыми располагались обширные фермерские угодья. Была налажена почтовая связь и родная Британия уже никому не представлялась такой бесконечно далекой. Выборность законодательных и исполнительных органов власти и свободная пресса привили Австралии первые ростки демократии. Всего за неполные 70 лет (с 1788 по 1855 г.г.) на пустынном берегу далекого континента была заложена прочная основа нового государства. И население пяти колоний вступало во вторую половину XIX столетия полное энтузиазма и воодушевления.

А если задуматься над судьбами людей, с которыми вы познакомились, то надо будет признать, что их трудная жизнь и полная забот деятельность сыграли огромную роль в самые тяжелые первые годы нашего прекрасного государства Австралии.

Город Сидней и залив Порт Джексон в 1845 г., художник Г. Пикок